

**МЕСТО
В РАБОЧЕМ
СТРОЮ**

№ 6 МАРТ 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

ОБЫКНОВЕННЫЙ

Рубрика «Комсомольский характер» давно знакома нашим читателям. В нынешнем году она представит комсомольских активистов всех пятнадцати братских республик, союзу которых исполняется полвека. Эти пятьдесят лет были годами совместной борьбы, труда, прогресса, они привели народы нашей страны к невиданным, удивляющим весь мир достижениям во всех сферах человеческой деятельности. Эти пятьдесят лет сформировали новый тип человека, выросшего в дружной семье равноправных народов, широко образованного, убежденного, страстного строителя коммунизма. Сегодня мы рассказываем о комсомольском вожаке из Белоруссии.

Лина ТАРХОВА,
специальный корреспондент «Смены»

Фото Витора САКН

О Николае Гулевиче все рассказывали с удовольствием, помногу. В повествованиях разных людей нередко повторялись одни и те же эпизоды, часто передаваемые в похожих выражениях. Скоро я стала ловить себя на мысли, что мне рассказывают легенды — местного, конечно, значения, чаще всего не отвечающие торжественности и высоте жанра, но тем не менее легенды. Уже больше семи лет прошло, как Николай переселился из своих Несимковичей в Гомель, но по укоренившейся привычке живет по-деревенски открыто и гостеприимно, весело. Его знают все в цехе и многие на заводе, знают его жизнь — полно, в подробностях — и рассказывают о нем такие истории.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ

Если в цехе или на суботнике работает даже много народу, Колю вы заметите всегда. Он в работе сразу выделяется, потому что входит в азарт. В топиле, когда на завод идет, или в очереди в столовой он не выделяется. Рост, как говорится, выше среднего, в плечах широк, глаза серые, волосы

светлые, рот крупный — чтоб удобней смеяться. В общем, внешность типично го белоруса. Правда, кепочка у него особенная — из искусственного каркуля, тяжелая от пыли, масла и других «производственных примесей». Кепочка эта то и дело летает со лба на затылок и обратно, в зависимости от настроения хозяина. Но это уже тонкости. А с первого взгляда из общей массы в Николае не выделяете.

В работе же он сразу выходит на первый план — так ловко и будто даже весело идет у Николая дело. Для него самый презренный человек — лодыр. Бывает, идет он мимо такого, только улыбнется, скажет: «Ты чего колом сидишь?» — И у того настроение падает, потому что если тебя не уважает Коля Гулевич, дело плохо.

...Было однажды так, что в водной рубашке вагранки обнаружилась течная печь, или рубашка, — металлическая обшивка, за которой циркулирует вода для охлаждения. В этой обшивке вода нашла лазейку и пошла сочиться в печь. В таких случаях вагранку срочно останавливают, иначе дело может кончиться взрывом.

Комсомольский характер

Прикинули, кто может заварить «рубашку». В цехе несколько сварщиков, но у Гулевича шов лучше всех. Иной вариант, и шов у него, как позвоничный: на удой сплюс, весь бугристый. А здесь требовалась работа тонкая, точная. Но Гулевича на заводе не было, только вчера начальник цеха Рем Николаевич Адамович освободил его на день от работы для участия в комсомольской конференции. Гулевич — член горкома комсомола, и часто ему приходится выбирать: то ли с Адамовичем спориться, то ли с горкомом. В летнем цехе производство таволок, номинатура широкая — здесь и колеса для комбайнов «ляют» и мясорубки. В общем, каждый человек на счету, иногда приходится и в субботу работать, чтоб план «выгнать».

...Решили все-таки искать Николая — самые опытные сварщики из соседних цехов не взялись за ремонт. Позвонили в горком, а оттуда отвечают, что Гулевича снять с конференции нельзя: он сидит в президиум. Рем Николаевич махнул безнадежно рукой и на всякий случай попросил передать «члену президиума», что произошло.

Кончалась смена, на начало навалились новые заботы, и вопрос о варианте остался открытым до завтра.

Нустро ждуть Гулевича. А пока его нет, пошли в десятый раз осмотреть полочку. Подойдет и печь. А из нее... знакомая кепочка появляется. Гулевич вылезает. Лицо серое, глаза воспаленные. В руке щипок. Смотрят — из печи кабели тянутся. Высились, Николай на завод вечером приехал и всю ночь работал. Где лежа варил, где сидя на корточках. «Испытаем!» — улыбулись из последних сил.

Сначала дали три атмосферы, как обычно, — печь загудела по-деловому. Добавили еще три, чтоб знать, есть ли у нее запас прочности. Выдержала. Тогда решили рискнуть и испытали под давлением восемь атмосфер. Старушка печь дрожала, будто от возмущения, и гудела несобственным ей высоким голосом. Только в одном месте прорвалась с шипением тонкая струйка воздуха, исправлять это было делом минуты.

Коля всегда такой — не может видеть несделанное дело. В три года три, наверное, торчала эстакада — не эстакада, уродливая такая рогуля, остаток от межцехового конвейера, который прежде проходил. Винку работал цеховой конвейер, а сверху эстакада. Когда в межцеховом отпала надобность, его где разобрали, где разрезали и сдали в металлолом. Но часть, которая проходила близко от покрасочной камеры, трогать не решились: в одном месте расстояние между эстакадой и камерой было три метра, работать с огнем здесь посчитали опасным, искры могли попасть в краску, а она, как известно, легковоспламеняющееся вещество.

Так и торчала сооружение — работе не мешает, и ладно. Только если кто на него невзначай взглянет, обязательно выругается про себя: очень неэстетично эстакада выглядит. Еще лет пять назад на это не обратили бы внимания — в цехе такая сажа, такая пыль носилась, что все казалось на одно лицо: черные, как негры, а кто часто рот открывал, у того и зубы не белели. Сейчас время другое, другие и понятия. В цехе поставили мощный «пылесос», чище стало. Бытовое помещение выложили цементным кафелем, выписали по последней слову наук.

В этих условиях вопрос «торчать или не торчать» остатку конвейера приобрел принципиальное значение. Николай это почувствовал и пошел к Махлину, механику цеха.

— Эстакаду надо убирать, так или не так? Я с пожарником договорился. — Махлин стал было возражать, что сейчас этим заниматься не время — работа, слава богу, идет ритмично, нельзя ее прерывать, останавливать конвейер.

— А его останавливать не надо. Я все обмерил, высчитал. Все можно сделать аккуратно.

Это была, всякий подтвердит, ювелирная работа. Поизну на крючках пыли отливки, они входили в покрасочную камеру некрашеные, какого-то замученно-серого цвета, а появлялись с другого конца коричневыми, ярие, как божья коровка. Только размером, конечно, побольше, раз в тысячу. А сверху работала Николай, отрезал железно кусок за куском и так точно, так рассчитанно вел электрод, что ни одна искра не полетела в опасную сторону.

Винку, словно статуя, стоял пожарник. Первоначально он отсюда страшно и все корил себя за то, что согласился с Гулевичем, пошел на такую авантюру. Но кого же Коля не уговорит!

...ВТОРАЯ, ДАВНЯЯ

Специальность сварщика Гулевич выбрал случайно, в детстве мечтал совсем о другом. Но, может, стоит о его детстве рассказать? Оно ведь тоже имеет отношение к характеру человека.

Детство Николая пришлось на хорошие послевоенные годы. На «комсомольщине» очень много из деревни, есть и из Коляных краев. И у всех у них было так: весной перерывали землю на полях и радовались, если находили мерзлую гнилушку картошку, особенно, обдирая руки, собирали зерна в стерне. Чуть Николай подрос, его обязанностью стало ходить в райцентр за хлебом

НАША ОБЛОЖКА:
на уроке химии в профессиональном училище № 10 г. Ленинграда. Будущая фрезеровщица Тоня Мерземебава.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

БЕСЕДУ С ДИРЕКТОРОМ ВПНИ ПРОТЕХОВЫРАЗОВАНИЯ И КЛУБЧЕНО-ВЕННЫЙ ВОПРОС ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦАХ 6—7.

3 КОМЕНДАНТСКАЯ СЛУЖБА. Эпизоды из жизни военной комендатуры Москвы.

8 Леонид МАРТЫНОВ, из книги жизни.

12 ПОСРАМЛЕНИЕ ГЕРМЕСА.

17 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. ПОЭМА О СНЕГЕ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

50 ЛЕТ СССР. ИРТЫШСКИЙ УЗЕЛ

РАССКАЗ АНАТОЛИЯ СОБОЛЕВА
«ТРИ ИВАНА»

ЭКОНОМИКА ДЛЯ ВСЕХ.
ОЧЕРК О КУПАВИНСКИХ ТКАЧАХ

ОТЕЛЬ «ФЛОРИДА». «ВИЗИТ В МОСКВУ»
ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ РОМАНА КАРМЕНА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Епсеев, А. П. Кулешов, А. А. Литвинов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевич

Художник Г. С. Терзибашевич Технический редактор Н. И. Буждина

«Ясно, Разберемся». Николай двинулся дальше, о субботнике ни слова. А когда после смены выходили из цеха, Тамара сама сказала, что знает про субботник и придет.

В общем, комсомольцев вышло много, другие тоже не подвели. И дал завод Гомельской области обещанные комбайны сверх плана.

...ПЯТАЯ, В КОТОРОЙ С ГЕРОЯ НЕ СЛЕДУЕТ БРАТЬ ПРИМЕР

Как-то в цех к Гулевицу пришла пошлая женщина, мать одного подростка. Начала жаловаться на сына: не слушается, школу бросил. И как заплачет... Коля сразу кепочку откидывает на затылок — признак, что волнуется, жестию просит идти домой, а сам бежит искать лаборанта. Между ними состоялся разговор. Коля дал парню срок — неделю. Ровно через семь дней Гулевицу подводит к нему: «Учишься?» «Нет». «Тогда иди за мной». Николай привел его в каморку, где хранят ведра, метлы и т. д. Посадил мальчишку перед собой. «Почему от учебы отлыниваешь?» Парень смотрит очень нахально и отвечает: «А я судьбу обменял, у меня отец метр».

Зачем Николай, не помня себя светлей со стены резной вышивки и со всей руки врезал парню по тому месту, по какому отцы стегают сыновей: «Я тебе буду отцом, если так!».

Мальчишка, конечно, ошалел от такого поворота дела. Всю ночь, распинавшись, не может решить — в драку ему кинуться или обидеться. Ресницами и пучей вылетел из каморки.

...Через две недели Николай установил, что «сын» его исправно ходит в школу. А спустя полгода парня забрали в армию. Проводили его, как заведено в цехе: торжественно, с подарками. Но на Николая он дулся до самого отъезда.

Некоторая сцена в каморке стала известна. Конечно, к данному факту отнеслись по-разному. Кто-то возмутился, главным образом дехачата; парни, те отсюда одобрляли. А один грамотей сказал, что нельзя оценить, хорошо Гулевицу поступил или плохо. Это, мол, как мажоранскими пощечинами: Макаренко раскисался в том, что ударил воспитанника, но не ударить не смог.

Словом, как бы к этому ни относились, а было такое дело. И развернувшись вокруг него целые педагогические дискуссии. Когда один уже стихил, на завод, на имя Гулевица, пришло солдатское письмо. Писал тот самый парень: «Здравствуйте, Николай! Я хочу извиниться за мои плохие поступки. Здесь я понял, что был неправ. И в конце спрашивал разрешения писать ему письмо».

...ШЕСТАЯ, ЛИРИЧЕСКАЯ

В литейном цехе шумно, и вечеру иногда голова болит. Но что удивительно: именно у литейщиков живет больше всего голубей. И гнезда вьют над самыми варганками, куда вся гарь идет. Просто загадка природы. Рабочие их, конечно, кормят — за солидарность. Но голуби голубыми, а человеку к концу смены comes ташинина, в деревню хомчется.

Николай тут устроился: у него деревня парня на дому. Это не гараж, не клуб, а обыкновенный подвал, как и заводских домах делают для каждой квартиры. В подвале стоят бачки с соевыми, банни с маслчатыми, компоты. Тут же самодельный верстак, разный инструмент. Коля, конечно, кормит — за солидарность. Но голуби голубыми, а человеку к концу смены comes ташинина, в деревню хомчется.

Николай тут устроился: у него деревня парня на дому. Это не гараж, не клуб, а обыкновенный подвал, как и заводских домах делают для каждой квартиры. В подвале стоят бачки с соевыми, банни с маслчатыми, компоты. Тут же самодельный верстак, разный инструмент. Коля, конечно, кормит — за солидарность. Но голуби голубыми, а человеку к концу смены comes ташинина, в деревню хомчется.

Один раз смехом получилось: Рая, жена, заходит в подвал, видит, Николая буд картошку чистит. Она не удивилась, что чистит — он ей, когда время есть, всегда помогает: она удивилась, почему чистит. Тут парня, параллелепипед. Вообще все это называется начертательная геометрия. Вредный предмет. Николаю ко всему прочему в институте учился, а политехническому. Учеба ему дается трудно: в школе старательность не отличался, да и расстался со школой давно. Вот и приходится превращать картошку в учебное пособие. Хорошо, картошка своя, хватает.

В подвале он порядочек навел, чтобы было чисто и красиво. А уе в квартире тем более. У него по реконструкции квартиры и изготовлению мебели намечал целый пятилетний план. Как-то ребята у Николая свели, он об этом рассказывал. Больше всего им понравился, что Коля мечтает сделать на кухне: стены облицевать кафелем, а на одной посередине красивыми плитками выложить солнце с лучами — у него в Несиковичах прямо из окна было видно, как солнце всходит.

Коля тогда улепска, рисуюн стал набрасывать, расчеты делая. Случайно глянул в окно... Вы подумали, наверное, он увидел, что солнце, точь-в-точь такое, как на рисунке, показало свои первые лучи! Нет, сваришчу заскисавать — до утра противопозаконо: руки стану дрожать, шов пойдет неровный. За окном была ночь... Ребята взяли шапки и распрощались: и ним и Гулевицу равно вставать — рабочий класс.

К слову, что касается «рабочего класса», здесь можно рассказать один случай. Коля только что вернулся из Голландии, куда ездил с делегацией. На какой-то встрече один голландец спрашивает Колю, кто он по профессии. Коля, конечно, сказал, что сварщик. Человек не поверил и прямо об этом сказал. А надо вам заметить, что когда Коля не в спецовке, а в своем модном костюме, при галстуке, в очках с тонкой желтой оправой (глаза у него что-то стали болеть), это за рабочего принять трудно... Николай смолчал. Но он ведь делал просто так не оставил. Когда прощались, так тиснул голландцу руку, что тот чуть не подпрыгнул. Коля почтительно голову наклонил: «Извините, это я по-рабочему. Привет с «Гомсельмаша».

Голландец побежал к переводчице выяснять, что значит «Гомсельмаш»...

Вот какие истории ходят о Гулевице.

Рассказывает Рая Николаевна Адамович, Григорий Игнатьевич Конович, Давид Моисеевич Малкин, Владимир Масло, Алексей Присяжнов, Петр Хоменков, два деушана, рисуюн: остаться не оставили. Дубровский секретарь комитета ВЛКСМ «Гомсельмаша», Алексей Косточенко — секретарь Гомельского горкома комсомола.

Случая этих людей, я не раз подумала: обо всех нас говорят что-нибудь, и как мы безобразны перед милой Безобразиной: что заслужили, то и рассказывай. Об одном — анекдоты, о других — рассказы, похвальные на легенды. Пусть даже такие домашние и будто бы обыкновенные, местного значения, но дело ведь не только в масштабах...

КОМБИАНТСКАЯ ОДНОВАРЕМЕННОСТЬ

Евгений МЕСЯЦЕВ,
Владимир ЧЕИШВИЛИ (фото)

Уж и строг... — сказала мне о нем знакомый полковник... Не знаю, как генерал Астахов относится, например, к внешнему виду литейщиков, но наш брат, есян на форме хоть одно пятнышко, а ботинки или сапоги не блестят ярче солнца, лучше не попадается ему на глаза... После этого разговора я в всякий случай два дня утюжил свои ботинки, вертелся перед зеркалом, выбирая подходящую сорочку и галстук; а затем поехал на Ново-Басманную, где стоит особняк военной комендатуры Москвы...

Петр Иванович Астахов всего год с небольшим занимает этот пост. Генерал считает, что его жизнь в столице — это перипетии судьбы. На войне он командовал ротой. Ушел учиться в Академию имени М. В. Фрунзе с двенадцати и был уверен, что дальнейшая служба будет также тесно связана с сухопутными войсками. «А меня сразу назначили командантом Москвы».

— И с чего вы начали, Петр Иванович?

«Как таксист, объездил все переулки и улицы столицы; надо же было узнать Москву. Затем взялся за

ПАТРУЛЬ ИДЕТ ПО ГОРОДУ...

ВОЕННАЯ АВТОНАЕСКЦИЯ КОНТРОЛИРУЕТ ДОРОГИ...

уставы, инструкции и наставления, чтобы еще раз усилить свое новое положение, повить особенности командантской работы.

— В чем же ее суть, товарищ генерал?

— А как вы сами думаете? — парирует мой вопрос генерал Астахов.

Я уверенно выкладываю ему свою штатскую концепцию насчет командантов, которые то и дело ловят бродячих рядовых и младших офицеров, сажают их на гауптвахту, а затем заставляют этих бедняк отработать на командантском палу приемь штатики...

— Ну, вы завали слишком уж далеко. Конечно, прежде всего командантура должна следить за поведением и внешним видом военнослужащих столичного гарнизона и тех, кто оказался в Москве проездом: в командировке, в отпуске. Но это вовсе не значит, что служба команданта должна обязательно хватать всех провинившихся, сажать их на гауптвахту. Патрульная служба командантуры прежде всего действует subtly лачным примером. Соглаеитесь, что военный патруль привлекает ваше внимание не одной лишь повязкой на рукаве. Его отличает выправка, безукоризненный внешний вид, образцовое поведение на улицах, в общественных местах. Офицер командантуры — это поистине «хоченый свод военных законов и уставов», обходить которые не имеют права ни маршал, ни рядовой.

Наш офицер с первого взгляда заметит, что бржки вот этого моряка зиме, чем положено, что ремеш на выходном мундире во-он того танкиста заткнут не так, как нужно, что звездочки на погонах молодого лейтенанта самодельные, а не куплены в Военторге...

Такт, терпение, но в то же время и решительность — вот что еще отличает сотрудников командантуры. Наши офицеры часто бывають в воинских частях столичного гарнизона, ибо, как мы по-

лагаем, профилактика нарушений — одно из основных звеньев в службе командантуры. Читателям «Смены», вверное, будет интересно узнать, как организована патрульная служба командантуры. Вся Москва разбита на секторы. В каждом секторе мы найдем неши патруль и специальную машину, которая в любую секунду может связаться по радию лично с мной или же доложить о каком-либо проступке дежурному офицеру командантуры.

Команданту Москвы подчиняется и военная автоспекция. У них свои патрульные машины и мотоциклы, шты ВАИ контролируют все автомобили, по которым транспорт движется на Москву или же выходит из нее.

Соглаеитесь, не очень-то удобно оставаться на улице, скажем, офицера и при всех сделать ему замечание — здесь необходим известный такт. Для этого в распоряжении патрулей есть специальные машины и помещения, куда мы всегда можем пригласить для беседы офицера или рядового.

— Как начинается и как обычно проходит ваш рабочий день?

— В 8.30 мне докладывают о всех происшествиях в столичном гарнизоне. Вместе с офицерами командантуры я разбираю все замечания, поступающие за ночь от патрулей, и в 9.00 докладываю о результатах разбирательства командирующему ордену Ленина Московским военным округом генерал-полковнику танковых войск Е. В. Ивановскому. Весь дальнейший распорядок дня мы строим в соответствии с теми мероприятиями, которые могут быть организованы в Москве.

— А что это за мероприятия, товарищ генерал?

— Встречи и проходы высоких гостей: в таких случаях командантура выставляет специальную роту почетного караула — парад и демонстрация, церемония возложения венков к могилам и памятникам выдающихся людей нашего государства, а также похороны, когда умеренно следует отдать воинские почести.

— Часто ли столичная командантура фиксирует беспорядки, в которых замешаны военнослужащие?

— Случай, когда рядовой или офицер нарушил общественный порядок, мы считаем происшествием особой важности: о каждом таком ЧП я обязан немедленно доложить командирующему округом, а он, в свою очередь, извещает об этом министру обороны. К счастью, я не могу вспомнить ничего подобного. В основном служба команданта ограничивается замечаниями. Кто-то из военнослужащих забыл отдать честь старшему по званию, у кого-то плохо выглажены брюки или же не вычищены ботинки или сапоги...

Особенно тщательно командантура следит за тем, чтобы все знаки воинского отличия — нарукавные и награды — были строго уставованного образца и военные носили бы их только там, где это положено.

Казалось бы, например, простая вещь — закрен для гаустика. Он должен быть строгим, скромным и элегантным: приказом министра утвердился его образец. Но есть военнослужащие, которые полагают, что какаинбудь самоделька лишняя раз подчеркнет их принадлежность к тому или иному роду войск. Некоторые морские офицеры, например, в том числе и старшие, любят носить жакеты в виде снаулта корабля, на котором они служат или служили. И в чего здесь только увидим? Подводные лодки, эсминцы, ракетные катера и так далее и тому подобное... Авиаторы, естественно, не желают отставать от моряков: на малюток красуются вертолеты, истребители, перехватчики, бомбардировщики... Случается, что

военнослужащий приколлет себе на грудь один-два знака воинской доблести, носить которые он пока что не имеет права. Или, чтобы похвастаться пером, подержкой, наденет знак специалиста высшего класса, тогда как его служба в войсках только началась...

Бывает, к сожалению, и такое: рядовой почему-то считает «неприличным» отдать честь сфрейтору, моряк — заметить таксиста, авиатор — военного строителя...

— Петр Иванович, кто в Москве отлучается особой выправкой?

— Курсанта училища имени Верховного Совета РСФСР, слушателя академии имени М. В. Фрунзе и Ф. Э. Дзержинского, пограничника, моряка, десантника, летчика.

— Какому роду войск вы отдаете предпочтение?

— Как командант, я не имею права давать кому-либо скидку, — здесь для меня все равны. Но, как строевой офицер, особенно ценю тех, кто наиболее близко связан с жизнью войск: командиров взводов, рот.

— На улице встретился два рядовых или два офицера одного звания, но различных родов войск. Кто из них должен первым «взять под козырек»?

— Как я уже говорил, понятие «отдание воинской чести» подразумевает не только уважение старшего по званию.

Прежде всего это признание боевой дружбы, товарищества, взаимной выручки — этим всегда отличались военные люди.

— Петр Иванович, можете ли вы сделать замечание старшему по званию?

— Только как командант.

— И у вас были подобные ситуации?

— Однажды при мне генерал-лейтенант, не буду называть его фамилии, не ответил на приветствие сержанта. Я представился, вежливо спросил, почему так случилось. Генерал очень смутился, стал объяснять, что в это время он как раз доставал из кармана сигареты, а потому не отдал честь сержанту, и что он готов немедленно перед ним извиниться.

— Чем обычно заканчиваются ваши объяснения с теми, кто попал в командатуру?

— Искренними обещаниями никогда и нигде не давать и повода к тому, чтобы грубо применить свои права.

— За что можно попасть на гауптвахту, товарищ генерал?

— За невыполнение приказа патруля, за грубость старшему по званию.

— И сколько суток гауптвахты вы, как командант Москвы, можете объявить провинившемуся солдату или офицеру?

— До пятинадцати...

— Петр Иванович, как выглядят гауптвахты? Чем занимаются обычно арестованные?

— Конечно, это не номер в «классе», хотя на гауптвахте есть все, что необходимо человеку для нормальной жизни.

— Все, кто попал на гауптвахту, дела-

ют здесь примерно то же, что и в штрафских, которые получают от судьи 15 суток. Кроме этого, сжидаются наши офицеры учат с ними воинские уставы. Рядовые сидят отдельно от офицеров, но их камеры совершенно одинаковы.

— Бывает ли в столичной командатуре ситуации, о которых можно было бы сказать, «как в детективе»?

— Майор Федор Дмитриевич Сыроежкин дежурил у Ярославского вокзала. Он заметил человека в форме капитана, который то и дело останавливал рядовых и сержантов, делал им какие-то замечания. Причем все это было довольно неестественно, а главное, как мы говорим, не по делу. Сыроежкин подошел в тот момент, когда капитан писал на отпуском удостоверение очередного «задержанного» — «получил замечание за курьез...» Майор Сыроежкин попросил капитана показать свои документы — тот выхватил из кармана бритву... Оказалось, что форму «капитана» купил в Военторге вор-рецидивист, делая судимостей, побег, объявлен розыск... Майор Сыроежкин награжден командующим МВО именными часами.

— А курьезы?

— Одна бабушка прислала мне жалобу: ее дом стоит рядом с воинской частью, и ей днем иногда мешает духовой оркестр, который собирается на пляну, особенно барабаны и бас-труба.

— И что же вы ей ответили?

— Выяснилось, что военный оркестр играет не так уж и громко; просто-напросто барабан и труба пробужда-

ют, когда ее полковником был генерал-лейтенант.

— В московских академиях, как известно, учатся офицеры многих армий социалистических стран. Какие у них отношения с командатурой?

— Самые наилучшие. Это очень дисциплинированные люди, уважающие законы и порядки нашей страны и ее столицы. Жизнь иностранных офицеров в Москве проходит без замечаний...

— Входит адъютант, докладывает, что машина команданта у подъезда. Генерал Астахов приглашает меня во Внуково: в тот день столицу покидал глава правительства одной иностранной державы. В его честь в аэропорту будет выстроен почетный караул войск Московского гарнизона.

— Во Внуково командант Москвы еще раз проверит выправку и внешний вид караула, затем выводит его к подъезду аэропорта. Гость выходит на перрон, и Петр Иванович подает чуть заметный знак командиру роты почетного караула. Дальше все идет установленным порядком: гость обходит строй караула, прощается с провожающими...

— Генерал Астахов последним покидает Внуково. Из своей машины он вызывает по рации особика на Ново-Басманной, спрашивает дежурного по командатуре, все ли в порядке на улицах Москвы.

— Ну, как вас поправились мои ребята? — Сейчас он имеет в виду почетный караул... Я хочу ответить, но вижу, что мое мнение враг, аи так уж интересуется команданта Москвы.

— Он прекрасно знает, что все пропало на высшем уровне.

КОГДА В МОСКВУ ПРИЕЗЖАЕТ ВЫСОКИЙ ИНОСТРАННЫЙ ГОСТЬ, КОМАНДАНТ ВЫСТАВЛЯЕТ ДЛЯ ЕГО ВСТРЕЧИ РОТУ ПОЧЕТНОГО КАРАУЛА.

«Усилить работу по профессиональной ориентации учащихся с учетом склонностей молодежи и потребности народного хозяйства в квалифицированных кадрах».

Из Директа XXIV съезда КПСС

Твоя профессия

обеденный перерыв в коридоре института собирается болельщиками. Еще раз убеждаешься, насколько они молоды, научные сотрудники этого молодого института. Большинство из них сами недавно носили форму учителя, профессионально-технических училищ, потом работали на заводах, учились в вузах, а сейчас решают научные проблемы профтехобразования. Для них эти проблемы — сама жизнь, и поэтому должно же получиться так, как им хочется. Над сеткой, будто маятник, метается бальетный шарик пинг-понга, стучит по зеленому деревянному столу, словно отсчитывает время. Из окна директорского кабинета видны два колесоподобных старинных цеховых и два жерлоподобных башни кранов — прихорашивается набережная Обводного канала. В цехушке сейчас художественная мастерская, рядом с ней самодельная хоккейная коробка. И здесь — много игроков и болельщиков, в основном старшеклассники. Шаба летит через борт, и ее долго ищут в снегу, а в вместе с тремя десятиклассниками обсуждают вечный вопрос: «Кем быть?». Только в этот раз не меня, а меня решил его: хотел бы стать летчиком полярной авиации, но где и как можно получить эту специальность, еще не интересовался. Двое других пока ничего определенного для себя не придумали, но тоже хотят стать пилотами-испытателями в авиации. Желание поступить в институт само по себе не может быть плохим; плохо, когда человеку безразлично, какое образование получить, важно только, чтобы оно, как говорится, было «чужим». Возможно, и у меня, и у других, много опыта — десять лет молодой человек сидел над книгами, учился, и ему иногда кажется более простым и более естественным продолжать привычные занятия, и мучить себя, и мучить других своим народным образованием, не умея оценивать работу педагогов по количеству их учеников, поступивших в вузы и техникумы. Но хуже всего то, что у десятиклассника уже нет времени для того, чтобы думать, чтобы выбирать себя к будущей работе. Это возраст самоопределения. Но как найти себя, не зная, где и что искать? Ребята сообща насчитали три десятка рабочих профессий, но знают их понаслышке. Что survives в тех или иных названий профессии, угадать зачастую невозможно.

Три года назад в интервью нашему журналу (статья № 7, 1968 г.) Н. С. Дудкин, директор, что правительству поручило найти профтехобразования разработку научных проблем профориентации. Что сделано с тех пор? Вопрос этот и привел меня в Ленинград. И вот встретил в трамвае десятиклассников с Луговского проспекта. Случайная встреча отнюдь не означает, что в Ленинграде плохо поставлена работа по профориентации. Наоборот, город на Неве в этом отношении пример для многих других. Здесь достаточно активно действует городской и районные советы по профориентации, которые с помощью своей главной цели пропаганду рабочих профессий и популярности их среди молодежи, здесь созданы первые профориентационные центры, в которых, наконец, находится единственный в стране Научно-исследовательский институт профтехобразования, возглавляющий и координирующий огромную работу. Трое с Луговского могут перечесть все эту работу, но и все продолженная работа пока еще не убрала незнания тех трюков. И это в Ленинграде. Естественно предположить, что в других городах дела с профориентацией ориентации школьников обстоят еще менее благополучно.

— Ваш рассказ только еще раз подтверждает наш тезис, что работу по профориентации надо начинать с воспитания воспитателей. Их лучше подготовить основательно, а учителям ребят В то же время и сам учитель совершенно недостаточно информирован о великом множестве профессий. — Николай Ильич протянул мне толстенный справочник. — Здесь пе-

речислено ровно 5 764 профессии. Но это еще далеко не все. Как считают специалисты, в наше время насчитывается около 40 тысяч различных профессий. К тому же мир их не является чем-то застывшим и неизменным: один стареет и отмирает, другие возникают и развиваются. Есть масса профессий, сохраняющих свое старое название, но содержание труда в них полностью изменилось. Работа современных ткачей, кузнецов, горняков или докеров совсем не похожа на труд людей этих специальностей лет 15—20 назад.

— В школе пока нет ни специального предмета, ни учебника о выборе профессии. Как же подростку ориентироваться в этом океане рабочих специальностей, если, судя по всему, ни один учитель, никогда не сможет рассказать о каждой из них даже поверхностно?

— Обо всех и не нужно. Педагог знает способности и наклонности ребят, знает их запросы и стремления, и его долг — помочь каждому ученику определить себя. На специальном уроке, а я уверен, что такой урок обязательно будет, учитель может и должен рассказать о группе профессий, которые больше всего нужны для нашего общества или непосредственно пять лет. Учитель — только первое звено в цепи профориентационной работы, способной помочь каждому человеку занять в обществе то положение, которое ему наиболее выгодно, которое даст ему наилучшую возможность возвысить себя и общество. Это сказал Маркс.

— Значит, вслед за учителем на помощь подростку придут медики, психологи, специалисты различных отраслей народного хозяйства?

— Может быть, и не так много. Скорее всего это будет один человек — профориентант, человек, который, имея специальную подготовку на наших глазах еще одной профессии!

— Наверное, так. Действительно, настала пора готовить таких специалистов. В Ленинградском педагогическом институте имени Герцена сейчас уже ведутся споры о профориентации, но это еще не подготовка профориентантов. Кем будет профориентант по образованию — врачом, психологом или педагогом, не столь важно. Он должен быть знатоком и профессией и душ. Его долг — помочь человеку избежать случайности в выборе своего пути и тем самым предотвратить драму — драму неуспешного призвания. Единой службы профориентации нет, и пункты профориентационной работы еще только в стадии формирования. Мы убеждены, что сеть их будет развиваться довольно быстро, поэтому уже выпустили и «Памфлет» профориентанту и разработали научную методику уже на стадии разработки.

— Методика, пусть самая лучшая, только план будущей работы...

— Но и без плана работать невозможно. Сейчас эту методику мы проверяем на практике в созданном институтом городском профориентационно-консультационном пункте.

— Пункт это существует на правах отдела института. В нем десятки научных сотрудников, большое количество сложной аппаратуры. А как же подобный пункт организовать, например, в Туле или Костроме, где нет вашего института? Кто его будет опекал, направлять его работу, содержать, наконец!

— В других городах нет нужды создавать пункты подобно нашему. Достаточно небольших консультаций, которые, на мой взгляд, должны существовать при плановых органах ориентации. А всю службу профориентационной ориентации и консультаций, которую мы будем создавать в стране, конечно, должен возглавить Госплан СССР. Наш же пункт — учреждение научное, или, скорее, научно-практическое. Сотрудники его ведут практическую работу и одновременно организуют, разрабатывают методики профориентации, психодиагностики, создают профессиограммы...

— Что такое профессиограммы?

— Своеобразный портрет профессии. «Нари-

совать» его совсем не просто. Предварительно врачам, технологам, психологам, экономам должны изучать деятельность мастера любой специальности, предусмотреть возможные изменения в его работе в связи с предстоящей автоматизацией или механизацией, влиянием климата на здоровье человека, его зарплату, возможность повышения квалификации и образования...

— И нужно сделать сорок тысяч портретов? — Сорок не сорок, а тысячи две-три на первых порах как минимум. Да снести их еще по группам.

— Как группировать профессии?

— Долгое время шло разделение между специальностями умственного и физического труда. Но это деление уже в наши дни не имеет четких границ, так как все больше рабочих профессий не связаны со значительными физическими нагрузками, но зато требуют знаний, способности разбираться в сложном производстве и принимать ответственные решения.

Например, главное в работе наладчика автоматических линий — решение тех или иных задач, а отнюдь не подчинение гаек. И таких профессий, способных разбираться в сложном производстве и принимать ответственные решения. Например, главное в работе наладчика автоматических линий — решение тех или иных задач, а отнюдь не подчинение гаек. И таких профессий, способных разбираться в сложном производстве и принимать ответственные решения. Например, главное в работе наладчика автоматических линий — решение тех или иных задач, а отнюдь не подчинение гаек. И таких профессий, способных разбираться в сложном производстве и принимать ответственные решения.

Например, главное в работе наладчика автоматических линий — решение тех или иных задач, а отнюдь не подчинение гаек. И таких профессий, способных разбираться в сложном производстве и принимать ответственные решения.

Например, главное в работе наладчика автоматических линий — решение тех или иных задач, а отнюдь не подчинение гаек. И таких профессий, способных разбираться в сложном производстве и принимать ответственные решения.

Например, главное в работе наладчика автоматических линий — решение тех или иных задач, а отнюдь не подчинение гаек. И таких профессий, способных разбираться в сложном производстве и принимать ответственные решения.

Например, главное в работе наладчика автоматических линий — решение тех или иных задач, а отнюдь не подчинение гаек. И таких профессий, способных разбираться в сложном производстве и принимать ответственные решения.

Фото Альберта ЛЕХУСА

ловеку, кто из него выйдет выходящих токарки или хирург. Мы даем ему только направление поиска, советуем группу профессий, а затем лишь помогаем выбрать ту, которая по всем объективным характеристикам подходит по возрасту. А достоинство выдает с избранной специальности зависит не от нас, а от личности человека, его настойчивости, трудолюбия...

Дело профконсультанта — помочь тем, кто еще не нашел себя, помочь им избежать ошибок. И только. Конечно, и это немало, но профессиональная консультация в массовом виде вряд ли будет методом оптимального распределения людских ресурсов. Следовательно, надо уделить больше внимания профессиональной ориентации в школе, воспитанию у учащихся интереса к рабочим профессиям, сознательному и самостоятельному поиску личного дела. Работа предстоит большая и сложная. Никто не справится с ней в одиночку. Специалиста нельзя подготовить эмпирически, надо знать, чему учить, как учить и как воспитывать. Воспитание я назвал третьим, хотя, по сути дела, оно и самое первое и самое главное. Я говорю уже: мы решили не делать упор на воспитание учителя. Если учитель знает всего одну специальность холодного снахождения, то он посоветует ученику? Значит, надо не только в школах, но в первую очередь во взрослых организациях вести курс профориентации по программам, разработанным нами, организовать для учителей курсы или семинары повышения квалификации в этом направлении. Видение, заданное школой. Наша сегодняшняя работа только начало.

В комнате научного сотрудника профконсультанта Аллы Паргиной сидит тоненькая девушка с чудом сохранившимися косами. Подруга ее сама не первый раз, и Алла знает, что она уже все знает об этой Нине Р. Впрочем, так оно, наверное, и есть: сотрудники пункта за один-два дня «возник» с ребятами узнают о них зачастую больше, чем они сами о себе и о их родителях. Все дело в технике, современной аппаратуре и методике бесед, использовании различных тестов и т. п., о чем сегодня говорить встает и ни к чему. Нина Р. с детства мечтала стать художником, старательно училась, посещала школьный кружок, знает науку все картины в Эрмитаже. Она надеется, и родители тоже, что из нее получится художник. А сотрудники пункта замечают, что у нее слабо развито ощущение цвета. Подруга так художником, различает различные цвета радуги, не чувствует сотен и даже тысяч оттенков, не обладает настоящим образным мышлением. И по данным ученицы, Нине лучше всего набрать профессию из группы «цветовые» — природу. У Нины есть воле, есть активный интерес, который тоже является важным условием для развития способностей, есть, наконец, определенное умение. Может быть, из нее получится художник, но наверняка — среднестатистический. А в итоге — разочарование в самой себе, своем деле или, что еще хуже, обнищание других в непонимании, «запирании» и т. п. Сложно решать человеческую судьбу. Здесь даже простой совет — огромная ответственность, которую берет на себя профконсультант.

Паргина принесла Нине несколько профессиограмм, связанных с природой и в то же время с искусством. Девушка долго рассматривает карточки и наконец выбирает одну: художник-декоратор скверов и парков.

— А я и не знала, что есть такая профессия, — улыбается Нина.

Алла облегченно вздыхает. Три условия необходимо решить при выборе профессии: «требуется», «испособен», «клоним», или, если перевести их на язык школьных учителей, «карьеру», «силу» и «здоровье». Каждое из этих условий порою не может гарантировать точности выбора. А способности их совсем не просто.

Одному подростку при мне посоветовали поступить в техническое училище, где готовят ко-

ков. Морю он любит давно и не скрывает этого, а вот о своей любви готовить признался только здесь, в профконсультации. Второго привел отец. Юноша нимем не интересуется, учится едва-едва. Отец спрашивает совета, куда направить сына. Ученые обследовали его и посоветовали по-настоящему взяться за учебники и готовиться в вуз — обнаруживши незаурядные способности к профессиональной группе человек — знаковая система». Если юноша все-таки воспринимает этот совет, из него может получиться исследователь или ученый.

— Мы внимательно следим за учебной и рабочей туд людей, что воспользовались советом наших сотрудников», — говорит Николай Ильич. — Выбрать работу по душе — полдела, надо помочь еще молодому человеку «вникнуть» в свою профессию. Это не просто, но только так можно реализовать наш принцип «от каждого по способностям»...

— Значит, мы заранее ждем от одного человека больше, от другого меньше — в зависимости от его талантов и количества, а качества.

— Николай Ильич, комсомол уже шефство над сферой обслуживания и общественного питания и должен в течение пятилетия направлять в эти отрасли свыше миллиона юшей и девушек. Какими популярны сейчас эти профессии среди молодежи?

— Если можно так выразиться, чувствуется заметное потепление. Мне пришлось — как-то присутствовать на лекции сотрудника института. Он выступал перед школьниками, и я уверен, они впервые услышали о том, что такое современный портной. Он ведь не только точный исполнитель, фасон и у художник, способный изменить модный силуэт в соответствии с особенностями фигуры, он и декоратор, подбирающий ткань, и психолог, определяющий личные особенности заказчика (то, что для него энергично, душевно, можно и подвести заочничкой), он и экономист, решающий проблемы оптимального кроя, и дипломат, и педагог, тактично убеждающий заказчика выбрать другой, более подходящий для него фасон. После лекции, помню, и юноши и девушки бросились расспрашивать, где можно получить специальность портного.

— Простите, но такая пропаганда профессии напоминает мне отлакированную рождевскую профконсультацию.

— Скорее всего это пример того, что подрастает еще не знают существа самих обычных профессий. Мы же никогда не агитируем красками. Скорее наоборот — мы и в продавцы направляем не каждого. Наши психологи обнаруживают, что с работой продавца в крупном магазине легче справляются люди, относящиеся к типу так называемых экстрвертов, то есть не слишком погруженные в себя, живущие внутренним напором, нуждающиеся в постоянном общении. Если же продавцом оказался человек противоположного типа, интроверт, то он может за счет своей добросовестности работать почти так же хорошо, но достанется ему

это дорогой ценой. Он устает от общения с людьми, становится раздражительным, тервет нервное равновесие, сон и покой.

Именно разнообразие профессий и специальностей, температур и характеров является объяснительной основой профессиональной ориентации и консультации. Если бы этого не было, проблема профессиональной пригодности человека к тому или иному виду стала бы беспроблемной, утратила бы всякое научное и практическое значение.

— Мне приходилось слышать весьма авторитетные высказывания о том, что научно-техническая революция несет с собой все возрастающую стандартизацию содержания труда.

— А нам приходится с этим мнением еще и бороться. Наука и техника изменяют, точнее, повышают требования различных профессий и специальностей, а с собой сглаживают и не уравнивают эти требования. Результаты производственной деятельности и наиболее экономичное использование современной дорогостоящей техники все в большей степени зависят от человека, его образования и профессиональной подготовки. Ошибка, допущенная оператором энергосистемы или химического производства, диспеттером транспортного узла или наладчиком автоматической линии, приводит к огромным материальным потерям, а также угрожает здоровью и жизни людей. А от ответственности каждого работника все время вымывается. И не только у рабочих новых специальностей, таких, как оператор или наладчик, но и у традиционных, как токарь, слесарь, монтажник. Повсюду совершается организация труда, производства и управления, совмещаются профессии, расширяются зоны обслуживания, аннулируются старые специальности, под началом у каждого работника становится все больше материальных ценностей, которыми он распоряжается.

Вопросам профессиональной ориентации приходится в нашей стране все больше и больше значения. В Москве, Ленинграде, Киеве, Вильнюсе и некоторых других городах разрабатываются научные проблемы профессиональной ориентации и консультации. Почти во всех республиках и областях созданы советы по профориентации. Многочисленные пункты действуют при Дворцах пионеров, при комитетов комсомола, профсоюзов и партии, на различных предприятиях. В этих местах работу по профориентации школьников ведут толковые и выдумки классы, в других ограничиваются редкими экскурсиями и лекциями. Конечно, разные агитивалы не принесть желаемую пропаганду рабочих профессий только вести планомерно и тщательно. И начинать ее надо в пяти-шести классах, а возможно, и раньше. Во всей этой разношерстной, естественно, сказывается отсутствие единого руководящего и координающего центра. Споры о том, кому он должен подчиняться — Министерству просвещения, Госкомитету по профтехобразованию или Госплану, конечно, имеют значение, но даться до бесконечности они не могут: необходимость создания подобного центра уже давно созрела, так же как и создание единой службы профессиональной ориентации и консультации.

— Николай Ильич, а не так ли, что такая служба будет создана, нет сомнений. Будет ли она обоснована экономически?

— Несомненно. По данным экономистов, текучесть кадров среди молодежи и подростков, раз выходящих из школы, коллег. Государство несет огромные потери только на переучивание этих рабочих, на их адаптацию на новом месте. Но тервет не только государство, тервет и сам человек, который избравший профессию случайно не найдший себя в ней и ищущий в жизни чаще всего всеполю. Так что служба профориентации должна помочь государству и прежде всего человеку: ведь в нашей стране все делается именно во имя человека и на благо человека.

натель техники и обомлетель механизмов, не я ли еще семилетний мальчишка наслаждался чудесами Западнo-Сибирской торгово-промышленной выставки, на чьей территории было это, начиная от сливаж, вздутых на Дубино и Пуил сепараторов, и кончая локомотивами и locomotivными конструкциями? Не я ли на ипподроме, преобразованном в аэродром, пробивался через толпу зваж и чепь-политических, сдерживавших напор этой толпы, к аэроплану Берендарова, что детки Васильев возьмет меня с собой покотаться!

Не кто иной, а именно я часами бродил у решетчатой ограды дома Эльворт, люблюс склеточном новеших сельскохозяйственных орудий на дворе этого медведьегоного, самого новешего завода по тем временам зданья. Узенькая, но мощная, не в пример многим другим, улица Омска — Вагинская улица с ее плотно прижатыми друг к другу двухэтажными домами казалась мне уголок Парижа. И меньше всего меня привлекала Русь избушная, деревенская, тем более что вскопанных старых избушек хватало и в городе: и в Казань форштате, и на Мокром, и на Лугу, и в Волынь. Хатинки, на сланьском выезде, в посуду торчали избушки, подобные избушкам захламленным. А Захламленной называлась пригородная казачья станица к северу от города, куда отсюда наша семья выехала на север, а избушечные бревенчатые кубики избухи мину такое уныние, что я пешком убежал в город, оставив мать и отца прервать пребывание на свежем воздухе.

Но именно этот свежий воздух и был прописан моей матери и старшему брату не кем-нибудь иным, а домашним врачом Лейбвицем. И на следующее лето решено было ехать не в какою-нибудь пригородную Чернорульце, а в самый настоящий татарский урман, чуть ли не за двести верст вниз по Иртышу.

— Вот так и увидишь настоящую деревню! — сказал мне отец. Это медвежий угол, дичь, Тара, татары, тартарры!

Так, в июне следующего года — я точно не помню, каково, наверно, это было еще до войны, в тринадцатом... мы и отплатились на пароходе «Восток» или «Ваня» вниз по реке, изрядно безбрегах ее я не приметил ничего интересного. Серые тучи над серыми буграми, серые избы родных селений, язык гармошек на пристанях — вот что мне запомнилось, о параде две путешествия. Но пароход бежал по течению быстро, и к вечеру следующего дня мы вышли на берег у стени хвойного леса. Я точно не помню, но мне кажется, что этот лес рос на очень высоком обрыве. Затем, поднявшись в гору, мы очутились в деревне.

— Это и есть Екатеринбургский завод, — сказал отец.

Я оглянулся. При слове «завод» мне вспомнились кирпичные громады маслобойного завода близ Омского вокзала и грохотавшие сооружения завода сельскохозяйственных машин Рендупа, самого большого тогда в Омске. Тут я не увидел ни кирпичных стен и не услышал ни намека на металлургический грохот.

— Где завод? Какой завод? — спросил я.

— А ты распусти местные жители, ответил отец. — Надо полагать, что это завод екатерининских времен. Расспроси стариков и старуху. Но это завтра, а сейчас надо устраниваться.

Устроились мы у хозяйки в довольно пустой избе, и так как наступила ночь, я лег спать, но удовлетворения своего любобьства.

Когда на утро раскрыл глаза, изба показавалась мне уж не такой пустой, как вчером накануне. Отец занимался выметанием сора из-за печки — он был великим аккуратистом, но в некоторой степени унаследовал и я. Унаследовал далеко не сразу. Тогда, в детстве, я сморел на эту страсть отца к порядку как на приют, на прииду. И если, придя с работы домой и видя неперодок, отец начинал, как это называли, «прибираться», то мне казалось, что это он делает в угоду домашним, и только. Со временем и я стал так же, и теперь, когда пишу эти строки, я вспоминаю, как я и сам приводил в порядок захламленный дворик дачи в квартрхохозяйки в селе Приморском, между Дистрик и Дунаем, то пытался заместить камнями ледниковой морены подход к избе в селе Степановском на Истре. И однажды я понял, что делало это точно так, как мой отец, и почувствовал, что эти манипуляции, кроме эстетического наслаждения чистотой и порядком, приносят еще и значительное душевное успокоение, недаром зо-

рят, что повышенное стремление к порядку свидетельствует о душевной неуспокоенности.

Итак, отец наводил порядок, мал разговаривая на крыльце с хозяйкой избы, о том, как надо печь черныне шашечки. Я совершил странный туалет, побежал осматривать деревню. Что я могу теперь вспомнить о ней. Увы, очень мало. Я не могу сейчас вспомнить, сколько в ней было урман, сколько было больше, не могу сказать, сколько в деревне церковь или часовня, была ли лавка, был ли хоть один двухэтажный дом — мне вспоминается только одно — в ней не было никаких приделов, никаких Божьих угодий. Впоследствии я углубился в лес, который, как мне кажется, подходил к деревне чуть ли не вплотную. Из леса слышался шум топора, но при моем приближении он замолк. Затем я вышел на полянку, где увидел изгородь еще захламленную, я наклонился, был более зрелых ягод, и тогда за спиной своей услышал трес сухих. И мгновенно в моем воображении возникла широкая, с бархатными поручками на перилах кованая лестница, ведущая на второй этаж магазина Ганшина на Любимском проспекте Омска. Лестница, как был упирающаяся в огромное зеркало, в котором и отражались на даче огромный корнчиковый зервь. Чучело медведя, стоящее в одной площадке в магазине Ганшина, — вот что возникло перед мои умственным взором, когда я услышал треск сухих в лесу за своей спиной. Не настоящий медведь, подобный оловянному, а выходящий из настоящего лесного медвежьего урга!

Но, обернувшись, я увидел не медведя, а бордатоного и гривастого человека.

— Испугался! — спросил он.

— Я думал, медведь, — ответил я.

— Ты же не видел, — зарычал он. И сказал после этого: — Дачник! Дачники оставили свои задачки, ученики-мушкетки!

— Скажите, пожалуйста, почему деревня называется Екатеринбургским заводом! — спросил я. Где завод? Какой завод?

— А ты думаешь, завод фруктовый был? — зарычал он. — Нет, брат, совсем наоборот — винокурный завод. По-нашему говору — винополю! Понимаешь? Впрочем, ты еще мал, чтобы в насчет винокурного завода и медведя, бордатоного, олушья и лес, откуша и повякнись.

Возвращаясь в деревню, я размышлял об услышанном. Разумеется, я знал, что такое монополю. Здание монополю на задах улицы Катчинца, между Бавинной и Проломной, было действительно самое величественных строений Омска. Трубя монополю гордо возвышалась над морем крыш. У ворот монополю и под каменную ее стену нередко велялись в самых разнообразных и отвратительных и жонковских позах заплывшие панцы. «От такого сооружения, как монополю, что-нибудь должно было остаться и в екатерининских времен», думал я, — хотя, может быть, монополю в те времена были и не таковыи. Расходясь так, для ребенка дошкольного возраста довольно здраво, я вернулся в наше пристанище и шепнул маме, чтобы она распустила хозяйку про завод, что мама и сделала незамедлительно. Хозяйка, довольно шустрья бабенка, насколько я помню, удава, охотно принялась за повествование, и мне оставалось только улавливать ход ее мыслей, довольно извилистый.

— Дачники об этом сейчас расспрашивают, — говорила хозяйка, — и в прошлом году студенты даже сами объясняли про Екатеринбург, главное, как она распустилась с этим Пугачевым, когда он объявил себя за живого покойного ее мужа. А еще не студент, в один страник рассказывал, как он, значит, сказал: «Раз я твой муж, так значит, ты моя жена, так и подчинись, как следует в законном браке, на пуховой постели под балахонями». А она: «Ах, си, мужик, как он тебе то мужик! А он: «Ах, ты не хочешь быть со мной в законном браке, раз я не давал тебе развод?»

— А завод? — спросил я.

— Чего завод? Я говорю, развод, а не завод! — сказала хозяйка, но добавила: «спойми, — Да ты иди поиграй, порыбься, ты еще маленький, чтобы про это слушать».

— В самом деле иди, я тебе потом расскажу, — подтердила я маму.

И, оскорбленный — я же затеял весь этот развод, а она гонит, — я вышел за дверь, а потом за ворота, где и увидел отца, беседующего с двумя оборочовательными особами. Мне показало, что я видел их и раньше. Но где? На ристушках кукушечки Омского наслать-то мужика! А он: «Ах, не в «Сатиринком», вот где я видел таких дачников, в затейливых шляпках, хотя я вовсе не так, как на

Года полтора назад в беседе с нашим корреспондентом Леонид Николаевич Мартынов рассказал о книге, которую вынашивал многие годы и наконец-то начал писать. Это цикл прозаических произведений, связанных единым замыслом: воскресить в памяти те трудные и счастливые мгновения, когда, по мысли поэта, рождались лучшие, наиболее важные для его творчества поэтические произведения. «Биографы стихотворений» — так можно было бы назвать краткие очерки Мартынова, в которых с присущей ему своеобразия восстанавливает он для нас годы своего детства и те годы, когда крепла и набиралась сил советская поэзия, озаренная дыханием революции. Предлагаем читателю два очерка из будущей книги Леонида Мартынова.

Но это имел в виду другой пугач, о котором толковала хозяйка мамки. Я имел в виду Пугачева. И когда стрелы ударились, я сказал отец:

— Еваллия и Евстолия — капитанские дочки!

— С чего ты взял? — ответил отец. — Насколько мне известно, эти барышни не дочери капитана!

— Их в лесу напугал тот мужик, который как Емельян Пугачев!

— Фантазируешь! — заметил отец. — Кстати скажут, Пугачев был не здесь, а за Уралом, на Волге. Это я знал и сам, конечно уже одолев «капитанскую дочку», хотя и не осилив историю пугачевского бунта — это было еще мне не по зубам. Я вполне был согласен с отцом, что Пугачев был не здесь, но в то же время я рассказывал хозяйке выходящему, что он был как бы настолько уверенно она толковала о его споре с Екаториной. Хозяйка своим рассказом прибавила как бы нечто живое, реальное к тому книжничку, что уже знал из интимнейшего прочитанного мной сочинения Пушкина. И к известным мне картинкам из томтика Пушкина прибавился лохматый лесной мужик — Пугач, вдруг выгеснивший из моего воображения всех известных мне героев Жюль Барна, Эдгара По, Конана Дойла, не говоря уже о пятипалых шерлоках холмсах, натах линкертоннах и никах картерсах. Вот как произошло мое первое реальное сопоставление с историческими прошлыми годами на Екатеринбургском заводе в двенадцати верстах от города Тары.

Размышляя о том, что бы сделал настоящий Пугачев с Екаториной, и с капитанскими дочками Еваллией и Евстолией, и со всеми остальными дачниками, я, разумеется, сам вошел в его роль и воображал, что это я Пугачев — пугаю всех, то крича, как филин-пугач из глубокого леса, то пугая всех воображаемыми выстрелами из пугаче-браунинга, которые были в большом ходу в те времена. И даже огородные пугала имели, казалось мне, какое-то хоть не прямое, а косвенное, как бы я сказал теперь, негативное, отношение если не к Пугачеву, то к пугачевщине, и я подражался к ним как бы исподтишка. Это была забавная и таинственная игра, в которую я не пытался вовлечь ни других ребят-дачников, ни деревенских мальчиков, с которыми я бегал и развлеклся, будто бы я никакой не Пугачев.

В общем, я переживал то, что впоследствии, несколько лет спустя, совсем как будто и не вспоминая о Екатеринбургском заводе, выразил в одном не начатом тогда до сих пор стихотворении, звучащем приблизительно так:

Екаторина,

Ты онемотчалась,

Что вся пылала, будто бы свеча из

Изобретенного позднею стеварины.

Велела выпытать у самозванца,

Какие резидент-иностранцы,

Или владельцы собственными, или

Раскольники его подговорили

Принянуться на покойные мученья.

— Мы обнаружим,

Имя ты был подучил!

А Емельян отвечивал, измучен

Огнем, водой, клещами и кнутами:

— Был лишь своим полон и мечтания,

И к этому мне нечего добавлять!

— Четвертьцать его и обезглавить.

Затем, чтоб тело искаливы птицы!

Так увер авельшия враг императрицы,

которая, которая пугачева, была

Екаторина, пышная перина.

От дикой злости губы иссушала

И гримому по-французски написала:

«Все начепо с маршином Пугачевым».

Это я написал много позднее, но все же раньше того, как узнал истинную историю Екатеринбургского завода, адомошнего меня на вышеприведенные стихи. Уж теперь, в процессе писания этой главы воспоминаний, я с помощью своего друга Виктора Уткина, высокообразованного в вопросах истории Сибири, узнаю, что Екатеринбургский завод как населенный пункт основан гораздо раньше времен Екаторины II и даже Первой, а именно в 1715 году, то есть на год раньше Омска, видимо, той же военной экспедицией Булгакова, которая шла по указу Петра Великого из Тобольска на юг, вверх по Иртышу и дошла в конце концов до Ямшевых соляных озер в Казахской степи. Во-вторых, я узнаю, что лесной мой собеседник был абсолютно прав: завод был именно винокурный, и во второй половине османдатного века он выдавал в год по многу тысяч ведер спирта, пенника и еще какой-то жмелящей продукции. В-третьих, на это заводе работали, как и предполагалось, пугачевские интервенты, на Екатеринбургском заводе с 1861 года была церковь, и даже примечательная, с местно чтимой иконой Абаласской Божьей Матери — копии с тобольского подлинника. То, что завод был упомянуто выше, не запомнил этой церкви, свидетельствует не только о моем детском умонастроении, но и об умонастроении моих родителей, так сказать, не бывших сторонниками религиозного воспитания детей.

этих — Еваллия и Евстолия, как звали этих двух милых сестер.

— Мне кажется, я видел вас на картинках! — сказал я.

— Не картинка! — удивилась Евстолия.

Но Еваллия, не заинтересовавшись, почему на картинках, сказала:

— Да и мы тебя знаем. Правда, Евстолия, мы его видели!

И, обращаясь больше к отцу, сказала, что я выделюсь среди нескольких других им известных по Омску толстых, румяных мальчиков одухотворенным выражением лица. Услышав такой ком-

плимент и опасаясь дальнейшей нежесткой, вроде: «Ну, дай а тебе поцелую!» — я шел необходимыми скрыться за изгородь, и уж оттуда слушая, как сестры рассказывали отцу, на каком пароходе приехали, и о том, что им знакомы все капитаны, и что они приехали не развлекаться, а поправляться, и что они боятся кутавца, и что опасаются один ехать в Тару, потому что по лесу шлепнутся какие-то бродяги и их уж напугал один из этих бродяг, какой-то лохматый.

— Это Пугач! — крикнул я из-за изгороди, и все засмеялись, думая, что я хочу выразить нехитрую мысль, что пугающий является пугачом.

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

поэт, омский профессор Петр Львович Драверт, старый сотрудник Вернадского в его трудах по постижению тайн космоса, искатель метеоритов и ловец космической пыли, мудрый объяснитель явления так называемой космической мглы на Ямале в 1938 году. Петр Львович, неутомимый исследователь Зауралья, хорошо знал и Боровое: он подготовил к двадцатилетию Казахстана очень интересный сборник о Боровом, о чем, кстати, тоже не упомянуто в той книге о Казахстане, о которой я говорю. И так, профессор Драверт, посоветовал академику Вернад-

скому набрать местом своего пребывания во время войны именно Боровое, или Вернадский захотел туда сам или попал туда просто в плановом порядке, но, очутившись вместе с некоторыми другими учеными именно там, Вернадский именно там, в горах Кокчету, сумел осуществить свой капитальный труд, то главный свой труд, который не удавалось ему завершить в более молодые годы и в мирной и спокойной обстановке. Впрочем, о какой спокойной обстановке могла идти речь. Позднее редактор издания этого труда В. И. Барнов свидетельствовал в предисловии,

что 17 сентября 1937 года, после того, как семидесятирельетного Вернадского поразила легкая удар и ученым пришлось долго пролежать в постели, он писал: «Ирония судьбы: ведь именно сейчас мне пришла в голову держа мысль написать главную книгу моей жизни, и я ее начал. Вот эту-то начатую в 1937 году книгу жизни «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» и продолжал писать с удивительной, неожиданной, невероятной энергией восьмидесятилетний Вернадский, попав туда, в великолепный горный оазис Казахских степей.

Теперь пришли времена, когда эта увлекательнейшая, вдохновенная книга, написанная в горах Кокчету в дни войны, а изданная и стала сказать, лишь в 1965 году, стала наконец достоянием читателей. Любопытно и каждый, кто захочет, может прочесть эту книгу о Земле как планете в Солнечной системе и Млечном Пути, о планетарной роли живого вещества — не только живого существа, но и всего живого вещества, и о ведущей роли человека, как создателя биосферы, то есть той спасительной сферы разума, которую может и должен создать только человек, и только, установив новые, истинно человеческие отношения с природой. Вернадский — тот мыслитель, упоминание о котором ныне встречается на каждом шагу. Именем Вернадского называется не только проспект на юго-западе Москвы, в том новом районе столицы, который планировалось возвести, разумных начал сам Владимир Иванович Вернадский, заботясь о том, чтобы новым поколением было чем дышать. Любопытнейшие могут заглянуть в Институт имени Вернадского и посмотреть, что там есть. Ведь чуть ли не во всех новейших трудах по геологии, минералогии и в таких новых науках, как экология, геоигиена и тому подобные, не обходится без той или иной ссылки на Вернадского.

Идея Вернадского оказалась глубоко современными и нужными для всего человечества. Он зорко глядел в будущее.

«В буре и грозе рождается биосфера и вместе с ней — новая эра в жизни человечества, когда главной силой становится разум человека, направленный на всеобщее благо» — так, уверенный в нашей победе над фашизмом, пылким патриотом, историко-эстетом и знаменителем природы человеческую, писал в годы войны Вернадский из Борового в записке президенту Академии наук Комарову.

И теперь, перечитывая наряду с трудами Вернадского воспоминания о нем и его письма, я все больше и больше прихожу к убеждению вот в чем: я уверен, что великому геохимику Вернадскому в союдии его книги жизни, этой книги о жизни и смерти, о состоянии пространства на фоне роста науки XX века, помогали не только его соратники и сотрудники, начиная, скажем, от давно ушедших К. Вольфа (1733—1793), А. Сяндяцкого (1746—1838), Л. Пастера (1822—1895), Пьера Кюри (1859—1906), а затем от живых еще тогда Эйнштейна и, скажем, П. Драверта, но и сама Природа в лице синих гор Кокчету. Они, не забывая Чекина Балханова и земляка своего Валерина Куйбышева, а думаю, не забыли и Сидельникова и Драверта. Так могут ли забыть они и Вернадского? Нет, не могут! И я уверен, что в горных музеех и школах юныя самая добрая память о нем. И если спросить у школьников знаменито Боровое, зимой сибирско-меховое под белою снежной пеленой, живоцветущее весной, своею горной тишиной смирожее летний зной, описывая среднеазиатский, то эти горы ответят приблизительно так:

— Тем знаменито Боровое, что там во время буревое, замкнутый туда войной, жил мудрый аскава Вернадский!

Вот что на правах стихотворца могу сказать при этой же, непростительной антропоморфист, пишавшего людские свойства явления природы. Более того, я полагаю, что Вернадскому помогло в его труде само благосклонное казахстанское солнце, то самое солнце, которое когда-то и меня, юнца, побудило прыгнуть с железнодорожной платформы, чтобы ринуться навстречу голубым глазам горных оазис.

Как давно это было! Я тогда был все же довольно необразованным молодым человеком и знать ничего не знал о геохимии Вернадским. Я, ныне не владеющий никаким образом, лишь потому, что брелся электрической бритвой, был тогда очень еще и очень молод во всех отношениях. А, скажем, поэт Оддисея Сулейменова или писатель-психолог и фантаст Шюкена Алмабаева еще и волос не было на свете, а большинство казахов носило головные уборы, которые мы называли маласиями, а казахские девушки носили еще, как во времена краеведа Семенова, и косы. И тогда, и тогда, и тогда казахских мальчиков было похож на девчушек.

Ощество не может нормально развиваться, если произведенные им предметы потребления — начиная от хлеба насущного до зубной щетки — застревают в сфере обращения. Застревают потому, что никому их продать, или негде продать, или никому купить. Причин здесь может быть много. Но самая, пожалуй, неслучайная среди них та, которая скрывает за собой нехватку: продавцов, магазинов, оборудования. Она неслучайна настолько, насколько может быть немалым голод при изобилии, смерть при полном здоровье.

Научно-техническая революция охватывает не только электронику и космос, она производит коренной переворот во всех сферах экономической жизни, в том числе и в торговле. Такая всеобъемлемость технической революции естественна. Прогресс общества не может быть полным, если точнейшие машины на заводе не будут иметь своих аналогов в сфере обслуживания и быта. И вот та очередь в магазине, на которую мы обратили ваше внимание в начале статьи, доказательством этой мысли.

Подсчитано, что, если решать задачи обслуживания старым, экстенсивным путем, к 1980 году нужно будет вовлечь только в торговлю около 20 миллионов людей дополнительно. Разумно ли это, когда стране нужны еще и токари и фрезеровщики, и завтра их нужно будет гораздо больше, чем сегодня, ибо растет промышленность, первенная основа нашего благосостояния. Попробуем посмотреть, что можно сделать в торговле, не привлекая туда чрезмерное количество людей.

Обратили ли вы внимание на то, как тяжела и однообразна работа продавцов продовольственного магазина? Через рука женщины — а они составляют там большинство — проходят тонны кол-

НА ДВЕРНОМ ОКОШКЕ
БЕЛЕНЬКИЙ ТЕТРАДНЫЙ
ЛИСТОК...
ТРЕБУЮТСЯ ПРОДАВЦЫ,
КАССИРЫ...
НЕРВНЫЙ ПРОДАВЕЦ,
НЕРВНАЯ ОЧЕРЕДЬ,
НЕРВНО ВЫДЕРНУТЫЙ ЛИСТОК...
ПОРАЗМЫСЛИМ НАД ВСЕМ
ЭТИМ...

Ким ГОШЕВ, Владимир МИЛАШВИЛИ (фото)

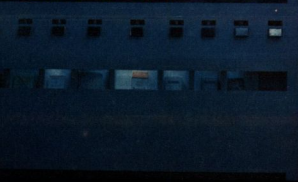
ПОСРАМЛЕНИЕ ГЕРМЕСА

АВТОМАТЫ ЗА ПРИЛВКОМ

АВТОМАТ

Самый изобретатель

1. Упрощает, ускоряет процесс обслуживания
2. Уменьшает нагрузку на персонал
3. Улучшает качество обслуживания

«ПРОГРЕСС» — СВОЕОБРАЗНЫЙ ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛИГОН. ЗДЕСЬ ПОДЪЕЖАЮТ ПУТЕВКУ В ЖИЗНЬ ВСЕ НОВЫЕ ТОРГОВЫЕ АВТОМАТЫ.

басы, мяса, творога, рыбы... Например, двести граммов или полкило мяса надо подготовить к продаже из монолита в 25 килограммов. Тяжелая и непривлекательная для молодежи работа. И сила непривлекательна, столь и необходима. Скажем прямо, сегодня уже многое сделано для того, чтобы облегчить, омолодить труд продавца: так, они магазин самообслуживания с открытой выкладкой товаров, новые машины для резки и фрезеры, различные автоматы... Но все это, если брать масштабы всей страны, скорее тенденция, чем утвердившаяся реальность, и пресловутая очередь еще существует, еще отбирает у нас силу, верия, настроение, отталкивая всем своим видом тех, кто стоит на пороге выбора профессии.

Древние греки, салывая лучших торговцев на заре человечества, представляли себе бога торговли Гермеса быстрым мальчиком. Его так и изображали — с окраденными ногами. Быстрота, чуткость ко всему новому с незапамятных времен считались качествами, необходимыми для операции, символически определенной Маркусом как T-D — T. ТОВАР — ДЕНГИ — ТОВАР.

Но уже наши предки далеко не во всем полагались на Гермеса: инстинктивно ловили скала и находили новые формы и подходящие технические средства, чтобы держаться в порядке баланс спроса и предложения. Примерно во II веке до н. э. Геро Александрийский счел преимущественной роль человека в процессе купли-продажи и изобрел автомат для продажи святой воды в храмах, побуждая к тому священнослужителей. Монета, опущенная в дренажной ручке вертующего, падала на плечку рычага, отпирала клапан, и в подставленный черепок сыпалась порция «багадоты». Прошло много веков прежде, чем промышленная революция снова вывела к жизни монетные автоматы. Теперь они уже были не придумкой изобретателей, а резуль-

ДОСТИЖЕНИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ ПРИХОДЯТ В ТОРГОВЛЮ, ПРОДУКТЫ, УПАКОВАННЫЕ В ВАКУУМНОЕ УСТАНОВКЕ, В ТЕЧЕНИЕ ДЛИТЕЛЬНОГО ВРЕМЕНИ СОХРАНЯЮТ СВОЮ СВЕЖЕСТЬ.

татом социально-экономических сдвигов в обществе.

В XIX веке машина индустрия пришла на смену ручному труду. Ручной труд не мог справиться с ростом общественного потребления. Мысль о том, что и сфера обслуживания возможности этого труда ограничены, толк и медленно, но пробивала себе дорогу.

В Германии, в Англии, во Франции, в США стала во множестве появляться мелочевное производство. Войны, кризисы мешали приумножить их число, но уже к 1940 году в США насчитывалось около миллиона таких машин. Были и тогда попытки открыть автоматизированные предприятия — столовые, магазины. И все-таки сплошная автоматизация обслуживания в то время еще не стала насущной необходимостью. Это пришло в 50-е годы, когда автоматизация вторглась во все области жизни — от управления прокатным станком до машинного перевода с языка на язык.

Казалось бы, нам не избежать противоречия: ведь автоматизированное производство и механизованное сельское хозяйство в передовых индустриальных странах все больше насыщают рынок людей. Разве не могут быть они поглощены другой обслуживанной? Да, так оно и происходит, но это не меняет того положения, что в эпоху научно-технической революции XX века потребности сферы обслуживания уже не могут быть обеспечены преимущественно «живым трудом» — тем самым трудом, на котором она держалась тысяч лет. Ныне и здесь наступила пора структурных изменений, когда экономический эффект может быть достигнут не экстенсивным путем, то есть лишь увеличением капитальных вложений и привлечением новых масс людей. Остается путь интенсификации, когда желаемого экономического эффекта можно добиться качественно иными средствами, а именно повышением уровня организации, квалификации и внедрением новой техники. Третий путь, как говорят, не дано. Именно поэтому автоматизация обслуживания и стала в наши дни столь актуальной проблемой. Примечательно, что первая электронная вычислительная машина в США была применена в торговле для управления делами ресторанов, а уже потом послужила Пенсильтану.

Главные процессы сферы обслуживания — это реализация товаров и услуг. Как сделать участие человека в них максимально эффективным? Как обеспечить товары и услуги всем, у кого есть в них потребность, в том числе и в ограниченное это обеспечение ни временем, ни пространством — в любое время суток и в любом пункте, хоть на Северном полюсе? Задача эта огромной важности и столь же грандиозной сложности. Но эта задача разрешима, особенно в условиях социалистического ведения хозяйства. И, видимо, многим читателям «Смена» выпадает честь решить ее вплотную. Каким же арсеналом средств располагаем мы сейчас, чтобы взяться за работу?

Прежде всего это автоматы, которые могут продавать самые различные товары, как продовольственные, так и промышленные. Они оборудуются специальными устройствами для приема и проверки монет любого достоинства, их подсчета. Расчет с покупателями быстр и точен.

В СССР ведется большая работа по автоматизации в сфере обслуживания и прежде всего в торговле.

На этой проблеме специализируются крупные научно-исследовательские и опытно-конструкторские организации в Москве, Ленинграде и Киеве.

В лабораториях Всесоюзного научно-исследовательского и экспериментально-конструкторского института тонкого машиностроения создаются посудомоечные агрегаты большой производительности, которые наконец освободят десятки тысяч статую разработаны линии непрерывного приготовления таких дежурных изделий, как баночки с мясом; другой высокопроизводительный агрегат заменяет сотню человек, подготавливая капусту к квашению. Такие машины призваны не только облегчить труд, они поднимают его уровень. Например, определяют готовность крема для тортов может лишь опытный кондитер. Но создание специального прибора позволяет теперь автоматически — с помощью измерения электрического сопротивления взбитой массы — сделать такую работу доступной даже практиканту из профтехучилища.

В Москве, на улице Чехова, почти десять лет работает первый в СССР магазин-автомат «Прогресс». Здесь нет продавцов. Вместо прилавков сплошной фронт автоматов. Выбрав нужный товар, вы можете уполит за него любым набором монет. Автоматический кассир беспощадно принимает и выводит. Автоматы для этого магазина тоже

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ ПО РАСФАСОВКЕ И ПОДАЧЕ БАКАЛЕЯНЫХ ТОВАРОВ В ГАСТРОНОМЕ «НОВАРАТСКИЙ».

*
Хотелось всего — и любви,
И чести, и славы, и денег...
Попоруби вот так поноши
И вьюжи, мой современник!

Живешь и стараешь долга,
И надежда, из пепла вставая,
Что первая юность прошла,
И думаешь: где же втрояк!

Да что там! Не только меня
Люди природы коснулись,
Я видел, как алыч взошла,
Как певиче птицы проснулись.

И каждая тешит в гнездо
Каинето малые кроли —
Так вот оно, доброе зло,
Его роковые истоки!

...И вроде бы жил не скучая,
И вроде в рубашке родился,
И все-таки, все-таки алыч
Тынь-шаньской воды не малялся!

И нище и весело рос
И выбрал любимую долю,
А шумом калужских берег
Никан не насытился зволю.

*
Привык к одиночеству, друг,
И неизбежному выкусу лишений.
С каждым часом сужается круг
И смирятся коности гений.
Дело и очес. Птицы летят,
Исчезают в холодном снежью.
Делать нечего — впитывая ад,
Вырабатывая притивождье.

Отвагой от случайных побед
И удачам не обольщайся.
Выйди на берег в синий рассвет,
Оглядись, помолоди, попрощайся.
Не спеша отвайной от людей,
Постепенно раздумывая думу,
Привыкай к борьмотому дождей,
К шуму ветра, к бессвязному шуму.

Памяти поэта

Его стихи лучатся добрым светом,
Но тот,
Кто проминал в тяжелой взгляд,
Тот мог по праву
Уосмыслить в этом.

В его прищуре
Открывались мне
Почалью по бесконечному раздолью,
По безнадёжно брошенной земле,
Ну, слова, все,
Что можно звать любовью.

А женщины!
Да не одна из них
Не поменя его души, пожалуй,
И не дышал его угрюмый стих
Надеждою он был
Хоть самой малой.

Наверно, потому,
Что женской склад
И делал уют
И в делах устройства
Внезапно упирался в этот взгляд,
Ни разу не терпящий беспокойства.

Льшь иногда
В своих родных местах
Он обретал подобие покоя
И исполняя
О промнотых летях,
Как ангел,
Никого не беспокоя.

Он точно знал,
Что счастье — это дым
И что не породнишь его со Словом,
Вот почему он умер молодым
И время спит

*
Целый день я бесцельно бродил
По знакомым дворам и прогулкам,
И, привыкший к подобным прогулкам,
Я всю душу себе растравил.

Я напрасно приехал сюда —
Потому, что иллеткого прощайся,
Убеждайся, что время умею
Разрушает родные места.

Опостылено мне с давних пор,
Чувств своих не маляя, прощайся,
Прощайся и опять возвращайся,
Словно роль затвердивший актер.

Лучше буду глядеть издалека,
С ледников голубого Тынь-Шаня,
Чтоб расплылся в глаза очертания
И приметы родной земли.

Но сырая весенняя мгла,
Слыша эти досадные речи,
Утешала меня, как могла,
Обминала так нежно за плечи!

Борьмотала: — Куда ты уйдешь!
Издешься, мене вспоминай!
Потому что синоязыя ломя
Мне дороже, чем правда нная!

Мы
Были с ним знакомы,
Как друзья,
Не раз
В обмунку шли и спотыкались.
Его дорога
И моя стезя
В земной судьбе
Не раз пересекались.

Он выглядел
Как заурядный сын
Своих отцов...
Как самый младший,
Третий...
Но все-таки звучал высокой смыслом
В наборе слов его
И медломедной.
Он был поэт,
Как критик твердая,

Я отдаю
Свою долги судьбе
И продолжаю
Разговоры с жизнью...
Послушай, мать,
Я пою о тебе
В своих синтавах
Под восточной синью.
Прости меня,
Что в смысле не пишу.
О пустяках
Чего писать напрасно?
Я памятью,
Как воздухаю, дышу,
А чувство слову
Не всегда подвластно.
Я вырастая в тяжелые года,
Когда земля
Людьми не доромина,
Когда людская кровь,
А не вода
По всей планете
Руска проломина.
Когда,
Почти заброшены людьми,
Дичали наши пастбища
...и села...

Что говорить!
Ты лучше поминиши дич,
Когда мы не умели
Жить оседло.
Не с тех ли пор
Шумит в моей крови
Бессмысленная тата
и переманя...

А жизнь летит!
Лови ее,
Лови!
Не то исчезнет
В проблеске мгновением.
Серефы выплв,
Рушлились мосты.
Но в эту невеселую годину
Я крепко знал,
Что, если рядом ты,
Я, как тенец,
Не пропаду.
Не спину,
Как хорошо,
Что в дим вселенских бед,
Когда земля
В припадках захлодлась,
Мы вьюжили,

И через тридцать лет
Все это
Тихим светом озарилось.
Я здесь живу,
Где рокот горных рек,
И блевные овцы,
И птичий крик —
Всё говорит:
Опоминись, человек,
Страхин на время
Времени вериги,
Живи легко,
Встречай градуцкую днь
И суетой спойвотанно
пожертвую.
Вот чайкана,
Вот сладостная тень,
Пей горной чай

И на ковре блаженствуй!
А в сневое
Сверкает белая снег,
И свежий ветер
Вечности дышаще
Несет ко мне,
И, грешный человек,
Я в это время
Думаю стихами...
...А ты сейчас
На берегу Оки
Гладьши, как плавно
Убегают воды...
Как далени
И как они близки,
Прощеидие
И будуще годой!
Сарай. Колона.
Церковь Покурова.
Три дерева.
Свадебная у порога.
Мощеная булыжником дорога
Аптекарской ромашкой
заросла.
Мой призрачный
Послевоенный кров...
Благослови его
За все лишеныя.
Он все еще живет
В глубинах сна,
В провалах шума,
Памяти и зренья...

Рисунки Сергея ХАЛИЗОВА

Леонид ЛЕРНЕР,
Мирслав МУРАЗОВ (фото)

Трамвай в будущее

О титисты толпятся у автостанции Павлово «Мосфильма», курят и смеются, жуют бутерброды, говорят о домашних делах, о здоровье. На них высокие белые фуражки и шляпы-капюны, старомодные пальто и рубашки вышиты, подолосчатые шарфом. Это моды «аэропортно-штурмовской эры».

Две старушки, устроившись на диване, вспоминают:

— Иловичка никогда я не сравню с трамваем. Никто не толкается, не кричит. Лошадь «цок, цок...». Романтично.

— А я помню, как метро пускали у нас на Метростроительской.

Идет последняя неделя съемок фильма «Ехали в трамвае Ильф и Петров». По балкону Павлово, как матроски по верхней палубе корабля, бегают осветители среди хитрого своего оборудования, ламп и прожекторов разного назначения — «лауков», «красов», «эрокомов».

— Юноша под зонтиком! Куда оттануть лампу?

«Юноша» — второй оператор Гриша Беловский — стреляет глазами по балкону, машет рукой, командует:

— Ставь метровые ближе! Левее!

— Гриша идет солнечный день, — говорит режиссер Виктор Титов.

Мы сидим на террасе кафе. У наших ног, в корзине, воркуют пернатые артисты. Когда закусовая наполнится посетителями, им придется немного попеть.

— Это солнце нужно нам, чтобы снять последние метры пленки. Но мы искали его весь этот год, искали в декорациях, в ритме фильма, в одежде и поведении персонажей. Ильф и Петров вовсе от нас этого не требовали. Они писали обычный день «аэропортно-штурмовской эры». Но мироощущение и талант авторов, умевших видеть в обычном необыкновенное, наша любовь к Ильфу и Петрову — это как праздник, которому нужно много света...

В закуской зритель увидит тридцать пять персонажей фильма — всех, кого режиссер Виктор Титов «пригласил в свою картину из фильмонов Ильфа и Петрова и записных книжек Ильфа. Тут бродит безработный граболог (Зиновий Гердт), обладает начальник учреждения (Владимир Басов), ищет опередную жертву влетчик (Евгений Моргунов)...

СНИМАЕТСЯ МАССОВКА: ЧЕЛОВЕКИ В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ЗА РЫБНУЮ ДОЛЮ»

— Я отбирал для фильма те проблемы, судьбы, характеры, которые могут и сегодня существовать. Но дело не только в этом. Мне хотелось, чтобы зритель почувствовал, что Ильф и Петров не просто талантливейшие живописцы первых лет Советской власти. Они наши современники. Они заглянул нам в будущее за чистоту своего времени, против доносчиков, подхалимов, бюрократов, хаурушиков... Эти типы есть еще и среди нас, и борьба с ними именно сегодня приобретает еще большее значение.

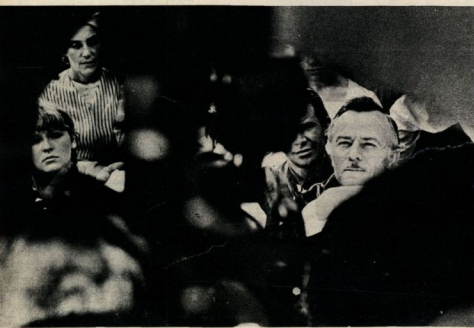
— Суял по названию фильма, наши герои едут в трамвае?

— Вот именно. Трамвай, в котором рядом с пассажирами как бы незримо присутствуют Ильф и Петров, не только транспорт, в котором едут, но образ, олицетворяющий эту неповторимую эпоху, когда метро еще не было, а извозчики, как выражался Ильф, «превратились в птеродактилей». Нам всем, я уверен, дорого это время, время необычайной коммунистической любви, всеобщего энтузиазма и священной веры в новую жизнь. В этом ключе задуманы мной многие сцены фильма. Такое, например, и эпизод в

трамвае. Трамвай полон пассажирами (в нем, собственно, едут все персонажи фильма), и в этой движущейся трамвайной коробке кипит жизнь, люди общаются, нет ни одного равнодушного. Трамвай этот идет в будущее...

Несколько до этого разговора я и дела в монтажной кадры хроники Москвы 1927—1934 годов, которые живут в фильме рядом с кадрами, снятыми режиссером. Красная площадь, углубленная телеграфными столбами, пролетающая, выезжающая из Троицкого ворот. Просматривая семьи, люди открывали окна, моли под, убирали по столам. Вставало солнце, и директор общады, во сколько оно встало в эти дни. Я видел современников Ильфа и Петрова, видел, как бежали по той Москве газыстыя, неуважливые и смеющиеся трамваи и автомобили.

События фильма происходят в течение одного дня. И этот день открыл сами Ильф и Петров. Это их своеобразный дебют в кино. Не только звучит за кадром. Они спорят между собой, соглашаются, сыплют искрометной фантазией, и, согласно их фантазии, на экране возникает все, что

ХУДОЖНИК ПОСТАНОВЩИКИ ФИЛЬМА ВИКТОР ПЕТРОВ И ЮРИЙ ФОМЕНКО.

— Мы снимаем солнечную картину. В нашем фильме много яркости, а это как раз то, что я мечтаю снимать. Мне повезло. Работая над Иафом и Петровым рядом с таким мастером, как Рерберг...

Во дворе студии Грisha показал мне архаичный трамвай, в котором снималась одна из центральных сцен. Среди пассажиров были даже живой сом и крикавшая утка, которая пыталась все время укусить камеру. В страшной даже оператор ухитрился зафиксировать десятки абсолютных деталей.

— И трамвай шел в это время? — поинтересовался я.

— Нет, конечно. У этого трамвая, как видите, нет даже колес. Но Рерберг поставил возле его окон два вертикальных барабана, затвухших в момент зерновой пленкой. Эффект получился удивительный. Бегали от планки бегали между актрисами, создавая полное впечатление движения и солнечного настроения.

Сейчас в камерой Грisha Бельский напоминает коню, которому доверия штурвал. Высокий, с засученными руками, он отряпает пот с возбужденного мальчишеского лица, косит на Рерберга. Тот советует:

— Возьми еще пару «крабов»...

Грisha делает знак, и с потолка по веревке к террасе кафе спускаются «крабы» — две свежих лавки.

Над фильмом «Ехал в трамвае Иаф и Петров» работает немало молодежи. Это режиссер Виктор Титов, у которого за плечами только одна полнометражная картина. Это студент режиссерского факультета Владимир Грамматиков, бывший актер театра пантомимы, — он играет в фильме халтурщика-драматурга Усачева. Это дипломник художественного факультета ВГИКа Виктор Петров и Юрий Фоменко...

Художников я встретил возле декораций фильма.

— Знаете, как нам удалось сделать этот только что возведенный дом таким древним? — спрашивает Фоменко. — Студя, например, на этих досках повисла ишеуление старого дерева! — Он срывает с доски террасы самую настоящую ишеулу и показывает мне. — Очень просто. Сначала мы промочили здесь ацетатной краской, за тем меловой, а потом клейстером...

— Между прочим, во время работы над фильмом мы попали главным, чем должен обладать кинохудожник, — говорит Петров. — Это взаимодействие двух компонентов: творческого начала и практической хозяйской сметки. Надо, оказывается, помнить даже то, что на окнах имеются шпательные, и знать, как крепится водосточная труба.

Подметает галубь, садится на стойку, встряхивает хрупкими белыми крыльями, тревожно озирается.

— Какжется, начинают...

Шумит стая, слышно от горных юнперков на столах, кафе терсут ичунку и кефир.

— И ушла за дымом! — заявляет ассистентка режисера.

Ходит загримированный артист Шахмал, впервые пробует руги, ослепляет на себе желтые пятна.

— Где мерзкий тип, с которым у меня сейчас предостаток встречатроек, — возмущается он, а стих, то еще вальчетик! — Моргуноу, уже идет, похотавшая, к нему...

Де старушки занимают места в кафе у стены под летящими аэропланом.

Сценарист выныривает из глубины закуской, отходит к операторам. В тишине слышно, как с треском падает хлопнушка...

Красота родной земли

СНЕГ

«Мороз и солнце, день чудесный...» Пожалуй, не будь этой гениальной пушкинской строки, мы не ощутили бы с такой глубиной и силой чарующую красоту русской зимы, пору неповторимую.

С тех пор, как заявила о себе русская поэзия, особое место в ней заняли стихи о зиме, о русском снеге. И это, как правило, не только живописный рисунок, а и философская миниатюра, в которой зрительный образ непременно сочетается с глубинным смыслом. Поэты то с грустью, то с восторгом, то с раздумчивой печалью пишут о русском снеге, о красе зимы неглядя...

Николай СКВОРЦОВ

Как будто необычный случай
Под сводом северных широт.
Чуть сдавленный, чуть беззвучный
Я слышу шепот: «Снег идет!»

Он падает замисловато,
В славянскую свивався вязь;
И впрямь не отрывався взгляда,
Когда полнеба село пряссть.

Но среди плавного круженье
Не знаю, что дороге мне...
Иль это чье-то восхождение,
Иль дала в белой плене.

Нина ГРЕХОВА

Александр ЗАУРИХ

У снежной березы простое
лицо.
Словно женщина русские
Ты послушай,

Озарь мой покой и крыльцо,
В белой платье,
Пляске до бровей,
Как пахнет земля,

На рассвете окно отвори,
Пусть сегодня разбудят меня
Невесомые руки твои,
Отчего же рождается боль!

Только солнце оставит зенит,
И опать она рядом с тобой
Беспечальной плечою
прозвонит.

Но я знаю,
В отчаянье дни,
На ладони зла и добра
Ты поможешь

И утешить меня
И побудить со мной до утра.
Нисколько надо иной,
Погоди.

Стало пусто
И забито в груди,
Ты утеш
У меня позади,
Ты еще
У меня впереди...

...Вот и правда: сбиваются сны,
Идешь не зря долгожданного мига.
Мне приснились звезды книга,
Было мне ее три собою.

Стайки бунь, шеючка темноту,
На бумажку, как птицы, садилась,
Разноцветные перья свистелись
И, колыхались, текли по листу.

Русской пенью аела зари,
И вставали, мурды и степени,
Долгие снегом белоснежные стены
Святогогорского монастыря.

Дерзкий пламень мне высунул рот,
И прохладой в полдневом пожаре
До меня снова вежа добелаем
Колокольчик микваляевских рощ.

Вроде всплынул, несмизанно густ...
Утру майскою благоденствуй! —
Куст спорыньи мил скрепи,
Свявистачия, стрелочница куст.

И прокрусь все, что исходи,
Заставляю глаголы светиться...
На листе осененные птичьими.
Было ясно, откуда они.

САД В ЗИМНЕМ УБРАНСТВЕ.

СНЕГ, И ПУШКИН — С НЕПОКРЫТОЙ ГОЛОВОЙ.

Юван ШЕСТАЛОВ

Ступил на твердь аэродрома,
Как бог, с лазурной высоты,
Я покаяв вступил, что я не дома
И можешь не явиться ты.

А мимо, фармаи сверкая,
Под рев моторов, шлоест шин,
На свет зеленый волчьей стаей
Летел поток автомашин.

Зимой один в голлице шумной
Я, как разломленный медведь,
Прижат к ограде был чужбиной
И собирался зареветь.

Но ты явился вдруг — и сразу
Все показалось мне нипим:
И небо низкое в алмазах,
И слыше нельмы едик дым.

И, нежно глядя на оленя —
На радиаторе такси, —
Я, как каяур, запел в волньени
На языке родном манси.

Перевод с манси
Владимира ЗАХАРОВА.

Лариса СУШКО

Цветы на снегу —
Под иглистым гудом.
Взгляну, пробегу,
Испугана чудом.

Завиден завод
В предупреденной смене:
Завлазу отзовет
И зорю расстелет.

Состав, грохоча,
Опробует рельсы —
Месты и мачты,
Печали и песни.

Успеет мороз
Снистяться и кануть,
Но снова асерьез
Угодлива память.

Унять не смогу
Мятежные ступы.
Цветы на снегу
Под белым разгулом.

Александр ШЕВЕЛЕВ

Бег горячий,
Пружинистый бег
Пошадся в глущь, российской метели,
И сгорал под опытами снег,
И полосья струною зеленели.
Но другое столетье тогда
Мне открылось за дымкой тумана...
Река Чорная.
Выстрел.
Беда.
И свободы смертельная рана.

ЛЫЖНЫЕ УЗОРЫ.

СНЕГ

Анатолий ПЧЕЛКИН

Как свободно, как просторно стало
разом на земле!
Вот хожу я во все стороны по лету
и зиме,
Как по собственной светлице, только
травушки до пят,
Да уютно половицы под ногами
не скрипят.
Но зато скрипят метели да бураны —
тух, белы!
Да поскрипывают лиственницы
чераленные стволы,
Да костей моих уключины
покрывают зло,
Всем премудростям обочины
обучены зело.
О природа, моя матушка, работай
мне вели!
Стройте храмы и хоромы на Устье
и Иерли,
Пробиваться вдоль Сибири, вдоль
истории самой,

Чтобы дети полюбили,
Дабы внуки не забыли,
Да ракеты
В клубях пыли
Все быплы
Надо мною...

ЛЕСНАЯ ИДИЛЛИЯ.

БЫТЬ ВЕТРУ.

БЕЛАЯ ШАПКА РЯБИНЫ

ПОГОДА РАЗГУЛЯЛАСЬ

Фото Виктора ВОРОБЬЕВА, Альберта ЛЕХМУСА, Василия МИШИНА, Вадима ОПАЛИНА, Владимира ЧЕИШВИЛИ, Александра ЩЕГОЛЕВА

В конце мая 1969 года в ясный, солнечный день на московском стрельбище общества «Ломоносов» шло первенство мира по стрельбе из пневматического оружия. Есть для тех, кому еще не исполнилось 22 года.

Наблюдая за соревнующимися на трансшейном стрельде, Психиатр невольно переключался на площадку, но, увидев Стрелка с голубой буквой «Л» на куртке защитного цвета, остановился — очень уж аккурратно поражал он летящие кружочки мишеней. Быстро, покажуй, даже несомненно судорожно прищелкнул язык к прикладу, негромко и невольно прозвонил команду «Дай!» и затем первым выстрелом разбил черную тарелочку, стремительно вылетавшую «из-под земли» — из тарелочной ямы.

— Как только серия закончилась, Психиатр подошел к Стрелку и попросил разрешения подсчитать пульс. Художайший, невысокого роста ленинградец смущенно поправил очки и протянул руку. Пульс был 140 ударов в минуту, ритмичный, хорошего наполнения и напряжения.

— Как стрельболо? — спросил Психиатр.

— Тяжеловато, — недолго буркнул «качкарик», отвел глаза и, канувшишь, переступил с ноги на ногу.

Тот год был для него удачным. В июне, показав хорошее достижение — 194 мишени из 200, — он выиграл Спартакиаду Ленинграда. В июле, несмотря на посредственный результат — 183 из 200, занял первое место на первенстве СССР среди взрослых. И осенью был впервые приглашен в сборную команду страны.

— Посмотрим, посмотрим, — неопределенно промолвил Старший тренер, когда Психиатр выразил заинтересованность в связи с приглашением стрелка в сборную.

В спорте психиатры появились лишь несколько лет назад. Появились они потому, что накал соревнований стал требовать от спортсменов предельного напряжения не только физических, но и психических сил. Причем во многих случаях победа стала зависеть от психической устойчивости спортсменов, от способности их нервной системы выдерживать большие нагрузки. Психологи, работающие в спорте уже несколько десятков лет (они, как правило, по образованию педиатры), помогают спортсменам в основном различными наблюдениями и рекомендациями. Психиатры же имеют в своем арсенале более сильные медицинские методы воздействия на психику человека. Вот почему во всем мире специалисты этого профиля стали все чаще и чаще приглашаться для работы с ведущими спортсменами. Психиатры, о кторых мы рассказывали, представляли научные стрельбовые тренеров сборной СССР методу саморегуляции психического, а вместе с ним и физического состояния.

...Тренеру перед важнейшим соревнованием сезона — первенством мира 1969 года — начался в сентябре в Ташкенте. Новый стелд, построенный среди оврагов за старым городом, был еще не «обкатан», и стрельба из-за технических неполадок получалась не всегда такой, как хотелось. Тем не менее первенство мира выиграл владимир Ленинградцев был одним из самых старательных. Психиатр внимательно следил за ним, после окончания тренировок тщательно анализировал его стрельбу, а вечерами беседовал с ним на самые различные темы. Он не только высказывал свои мысли, что из этого скоротечного, такого парижского получится по-настоящему хороший спортсмен.

Старший тренер, пригласивший Психиатра для помощи стрелку, не только интересовался психологической подготовкой. А кое-чего, очевидно, просто не понимал.

— Зачем вы учите стрелков стрелять? У вас другие задачи! — сказал он однажды Психиатру. Тот удивился.

— Как же я могу учить стрелять, когда сам не стреляю? Я уж сознательно обретаю то наилучшее психическое состояние, которое является необходимым условием успешной стрельбы. Психиатр все это только убеждал, а тот, что Стрелок действительно обладает подходящими особенностями личности, что его легче, чем других, можно будет вводить в нужное психическое состояние. За два года работы со стрелками Психиатр имел возможность убедиться в том, что Стрелок действительно обладает подходящими особенностями личности, что его легче, чем других, можно будет вводить в нужное психическое состояние. За два года работы со стрелками Психиатр имел возможность убедиться в том, что Стрелок действительно обладает подходящими особенностями личности, что его легче, чем других, можно будет вводить в нужное психическое состояние.

В первом случае возникает чрезмерное волнение, перевозбуждение нервной системы, а во

втором — появляются признаки неоправданного безволеия, даже безразличия к результату. Естественно, что и «ликовидать» и «аплатить», каждая по-своему, мешают спортсмену, не дают ему возможности показать свои лучшие качества. Но подчас он оказывается в таком замечательном состоянии, когда все начинает получаться как бы само по себе — легко, точно, радостно. Однако далеко не каждый может сознательно вызвать у себя такое оптимальное самочувствие и тем более приручить его к часам соревнований. По этому искусству и хотел обучить студентов Психиатр.

— Суть оптимального боевого состояния, — объяснял он стрелкам, — заключается у вас в трех основных моментах. Во-первых, на линию огня нужно выходить, имея строго определенный уровень эмоционального возбуждения. Если окажется перевозбужденным, если появятся признаки «стартовой ликовидации», пострадает самоконтроль, появятся скованность, напряжение, дрябление ружейных стволот потеряют плавность. А при недо возбуждении замедляется скорость реакции, пропадает желание соревноваться с полкой отдачи сил, уменьшается острота зрения, падает внимание. В результате не успеваешь паразит мишень — ведь на ее «обработку» отущается всего лишь 0,4—0,5 секунды! Очень важно на протяжении всей серии удерживать оптимальный уровень эмоционального возбуждения. Но как же определить его? Есть очень простой способ по пульсу. (Психиатр, регулярно проверяя

Психиатр чувствовал, видел это и постепенно, не торопясь, чтобы не отпугнуть, приучал его грамотно относиться к своему психическому состоянию. Но времени не хватало.

В конце сбора были назначены контрольные стрельбы для тех, чьи кандидатуры на участие в первенстве мира еще не были утверждены. И Психиатр, видя, что Стрелок еще не готов для тех воздетствий на психическое состояние, которыми располагает медицина, не стал специально настраивать его на эти контрольные стрельбы, хотя от их результата зависело очень много — Стрелок впервые в жизни мог попасть в число четырех лучших, которым доверено защищать честь страны на первенстве мира.

В день контрольной стрельбы Стрелок был явно перевозбужден и растерян. И, конечно, проиграл.

— Вот вам и ваш любимчик, — с грустью резюмировал Старший тренер: человек уже немалого, многоопытный стрелок, он с самого начала скептически относился к возможности этого спортсмена. Психиатру пришлось проглотить эту горькую пилюлю. Но Стрелок не показал себя мужественным человеком, «всплылся», как говорят спортсмены.

Успокоив огорченного неудачника, Психиатр, который тоже не езал на первенство мира в Исламабад (за границы психическую настройку спортсменом всегда брал на себя Старший тренер), договорился со Стрелком, что они продолжат деловые контакты. Стрелок обещал писать

Анатолий АЛЕКСЕЕВ

пульс у стрелков перед каждой серией и сразу же после ее окончания, установив, что спортсмены имеют свою индивидуально-оптимальную частоту сердечных сокращений, соответствующую наилучшему психическому состоянию. В частности, у Стрелка она была около 150 ударов в минуту.

— Во-вторых, — говорил Психиатр, — нельзя допускать, чтобы эмоциональное возбуждение сопровождалось ощущением тревоги или страха. Необходимо, чтобы оно проявлялось только в чувстве твердой уверенности в своих снах, в чувстве «хорошей спортивной злости». Такой первой страха в уверенность нетрудно осуществлять, если владеть методом психической саморегуляции. И, в-третьих, нужна высокая сосредоточенность. Настолько высокая, чтобы никакие помехи, никакие посторонние мысли не смогли бы отвлекать ваше внимание. Оно должно быть сосредоточено на безукоризненном соблюдении правил стрельбы.

Стендочки внимательно слушали Психиатра, пожалуй, даже соглашались с ним, но никто из них не отважился сознательно вводить себя в оптимальное боевое состояние с помощью метода саморегуляции. Они больше верили в другое — в хорошее оружие, в «свою» патрону, в безветренную погоду, в секреты техники стрельбы...

Психиатру очень хотелось доказать правоту своей теории. Для этого нужно было найти хотя бы одного спортсмена, который не за страх, а за совесть начал бы работать над собой так, как требуют правила психологической подготовки. Ленинградцев мог стать таким спортсменом.

Психиатру о том, как будут идти дальнейшие тренировки, как пойдет подготовка к первенству мира оптимального боевого состояния, а Психиатр обещал помогать ему своими советами. Несмотря на неудачу, он верил в Стрелка. На том и расстался.

Стрелок... замолчал. Лишь в конце ноября Психиатр узнал, что в Тбилиси на турнире «Олимпийские надежды» Стрелок выиграл все, что можно было выиграть, даже «стрельбу до промаха» и «стрельбу по дуплетам» — редчайший случай в соревновании стелдиров-трансшейников. Правда, в основном упреки он показал довольно средний результат — всего лишь 187 из 200, но и тут был первым. Однако ни одной строчки с отчетом о стрельбе или тренировок от него не пришло. Ну, что же, — с огорчением подумал Психиатр, — и на этот раз ошибся в человеке. Бог с ним!..»

Случилось, однако, так, что в марте 1970 года они снова оказались вместе. В том же Ташкенте, даже в одной палате дома отдыха. Стрелок держал смущенно, будто чувствовал за собой какую-то вину. Психиатр же встретился с ним как ни в чем не бывало. Но на этот раз не стал оказывать ему никакого внимания, которое проявлял раньше. И тут, очевидно, сыграл решающую роль своеобразного негативизма — Стрелок стал сам искать встреч и бесед с Психиатром. «Бывает и так», — подумал Психиатр, — нет худя бы добра. Теперь он сам идет мне в руки. Лишь бы не спугнуть его!

На тот раз все шло, как надо. В день окончания сбора Стрелок всячески старался дел по-

нат, что теперь он будет работать над своей постановкой.

Прошел месяц. В конце апреля лучшие стендовики страны съехались в Москву, чтобы выиграть Кубок СССР. Приехал в составе сборной Ленинграда и Стрелок. Психиатр увидел его буквально за полчаса до начала соревнования. Великолепно подзадорил и, задержав его руку в своей, выматывая посмотрел ему прямо в глаза. Затем, выдержав несколько паузу, спокойно, но очень серьезно спросил:

— Ну, как! Будем сегодня стрелять по-настоящему?

— Надо бы, — смущенно ответил Стрелок, как всегда, отводя глаза и переставляя с ноги на ногу.

Но было в его тоне, во всем его облике нечто такое, что обрадовало Психиатра. Он почувствовал, что Стрелок уже готов к той самоотдаче, к тому высокому напряжению, которого требуют любые большие соревнования. Сегодня он сможет опереться на свой небольшой опыт самолюбования, приобретенный за время занятий с Психиатром.

До выхода на первую серию оставался минуты. Психиатр взял Стрелка за руку, чтобы подсчитать пульс: 132 удара в минуту. «Маловато для такого соревнования», — подумал Психиатр, но не стал поднимать возмущение, так как понял, что на линии огня сердце начнет биться чаще. И, чувствуя, что у него у самого пульс сейчас не реже 110, что позardi начали раздвигаться, а

зу и щеком», — сделавший непосредственно перед выходом на линию огня. Психиатру же думалось, что причина в другом: Стрелок начал эту серию недообдуманным, с пульсом 120. Промая подствелгу, взволновал его, и в конце серии пульс был уже откровенно 156.

В общем, об этой стрельбе можно рассказать многое. О том, как была решена тактическая задача по «обезвреживанию» соперника, стрелявшего непосредственно перед Стрелком и очень долго готовившегося к каждому выстрелу, — это помало ритм стрельбы всей команды и, естественно, мешало остальным участникам. О том, как на второй день посреди седьмой серии кончили патроны, специально подготовленные и эти соревнования, и пришлось на ходу приспособляться к обыкновенному стандартному патрону — на этом была «потеряна» еще одна мишень. О том, как Стрелок, не спросив Психиатра, вышел в переувлажненную комнату, и что из этого вышло, и т. д. и т. п.

Для Психиатра же самое главное состояло в том, что он сумел помочь Стрелку «заедать» почти на все серии, подкалывая, как восстанавливать силы в перерывах и на протяжении каждой серии, поддерживая нужными словами необходимую степень мобилизованности, не давая Стрелку расслабиться. В результате в первый день соревнования было сделано только два промаха, а во второй — всего лишь один.

Перед последней, восьмой серией, когда все присутствовавшие — и зрители и свободные

международный турнир стрелков-стендовиков — «Большой приз Москвы».

Попешил для того, чтобы еще раз помочь Стрелку выступить столько же хорошо, а может быть, и еще лучше. Стрелок очень хотелся довести результат до 200 — 200 из 200. Правда, его несколько нерасстроило, что после того сказанных слов «Наслабю вам...» Стрелок снова исчез, ничего не писал о дальнейших тренировках и нигде не обмолвился о том, что Психиатр не полаг ему.

Приехал утром в Москву, Психиатр тут же помылся на ступе ВВОО. Но, увы, опоздал. На первая серия, и Стрелок уже был на линии огня. Взаглянув на демонстрационную доску, Психиатр с досадой обнаружил, что из двадцати прицельных мишеней две не разбиты. Но еще больше поразил его вид Стрелка: ничего похожего на то, что было всего лишь месяц назад! Валил, несобранный, он стрелял, что называется, «на полуосогнуту».

Как только серия закончилась, Психиатр подошел к нему и подсчитал пульс — всего лишь 108 в минуту!

— Что с вами! — спросил Психиатр и услышал за своей спиной недовольный голос Старшего тренера:

— Пусть он сегодня стреляет сам. Не мешайте ему.

Сам же Стрелок, не сказав ничего вразумительного, смущенно поправил очку, опустил голову и пошел отходить.

«Раз так», — подумал Психиатр, — мне здесь больше делать нечего. Потом он узнал, что на эти соревнования Стрелок как бы переставил цифры в своем последнем результате — вместо рекордных 197 из 200 выбыл всего лишь 179! И занял, стыдно сказать, тридцать девятое место.

Прошел долгий год. Наступил апрель съезда-старшего. И снова стендовики страны собрались в Москве, чтобы разыграть Кубок СССР. Психиатр уже не работал со стендовиками, но все же решил попутно посмотреть на них в Бос. Стрелок из Ленинграда, рекордсмен страны, выступил, как самый заурядный первоакадемик. Из сборной его вывели еще в прошлом году. Правда, за это время у него родился донч, и он с удивительным покаянием показал Психиатру фотографию мальышки.

— Ну, как, — спросил Психиатр, — будете вы стрелять или нет?

— Не знаю. Там видно будет. — улыбался невинисто чужо, отвечал Стрелок.

Все попытки выяснить у него, почему он не работает над собой, чтобы снова стрелять хорошо, ни к чему не привели. Конечно, несложно было «расколоть» его, но врач не позволил себе заняться «переработкой» своего друга. Психиатр лишь сказал, что ему не хотелось бы видеть Стрелка в таком состоянии, и он с удивительным покаянием показал Психиатру фотографию мальышки.

Грустное впечатление оставила у Психиатра эта встреча. Он никак не мог понять, почему спортсмен, который до знакомства с ним стрелял хорошо, а научившись «все-чужо», стал рекордсменом СССР, не хочет по-настоящему использовать методы, которым его обучили. Почему Старший тренер за два с половиной года не нашел и двух таких, чтобы обучить Стрелка, почему он, оптимального боевого состояния! Ведь он же, Старший тренер, сам говорил Психиатру, что от психического состояния на линии огня зависит 95 процентов успеха в этом виде спорта!

Психиатр шел домой и думал, где же найти того тренера, который способен обучить спортсмена, который захотел бы по-настоящему учиться и взять на вооружение все то, что, он Психиатр, знает? Ведь что ни говори, а каждый человек, в том числе и спортсмен, начинается все же с головы. А нужно уметь правильно пользоваться. Особенно тем, кому по роду деятельности приходится основную тяжесть ввязывать на нервною и речедело-осуществию системы. Ведь от того, как работает центральная нервная система, зависит не только успех дела, но и здоровье!

А психиатры умеют не только лечить больных людей. Они способны очень помочь и здоровым — в умении обрести наименьшую мобилизованность, когда от этого требуется, а в умении, наоборот, правильно отходить для быстрого восстановления потраченных сил, в снятии чувств страха, тревоги, неудовлетворенности, в налаживании крепкого, спокойного сна. Да мало ли еще чего можно помочь человеку — а точнее, а точнее, а точнее — наука о том, как сохранить здоровую психику, — только начинающая входить в наш быт. Входит она, правда, со скрипом, и в спорт — со ставшую и маловероятно, а точнее, а точнее, а точнее — наука о том, как сохранить рекорд Советского Союза — 197 из 200 — не изменился и сегодня. Не пора ли его превратить?

спортсмены — собрался у площадки, на которой закончил свое выступление Стрелок, он снова чрезмерно заволновался, но сумел сохранить высокую собранность перед каждым выстрелом. И ни разу не промахнулся. Пульс после окончания этой серии был, как и после первой, 172. Счастливый Стрелок под аплодисменты сошел с площадки, подошел к Психиатру и поблагодарил его. Психиатра тоже похваливали. И товарищи на научной бригаде, работающие со стрелками, и даже сам Старший тренер. Отвечая на поздравления, Психиатр говорил, что это все не то, что вот когда стрелки будут сами, без его помощи, пользоваться привычными саморегуляторами, которые он им предлагает, он, Психиатр, будет считать свое дело сделанным.

Но все же он чувствовал себя счастливым. Ведь успех Стрелка был действительно большим. Он не только выиграл Кубок СССР, но одновременно выполнил нормы мастера спорта международного класса и, самое главное, установил новый рекорд Советского Союза в стрельбе на траншейном стенде — 197 из 200!

В середине мая Психиатра пригласили в Минск, где проходили международные соревнования по прыжкам в воду. Там собрался на свою конференцию все тренеры страны, занимающиеся этим видом спорта — смельчаки и изысканцы. Несколькими днями Психиатр рассказывал им о том, как использовать возможности психической саморегуляции в настрое на соревнование, в повышении технического мастерства и для восстановления сил, а потом, не дожидаясь конца матча, поспешил домой: начинался традиционный

загляд обрел проявляющуюся неподвижность, положив руку на плечо Стрелка и глядя ему в упор в глаза, вдавывая каждое слово, как кнопки в стену, медленно сказал:

— О результате не думать. Перед каждым выстрелом предельно сосредоточиться... Стрелять мягко, свободно... Пошел!

Первую серию Стрелок «сделал чисто», разбив все 25 тарелочек. Пульс после окончания стрельбы был 172. «Многовато», — подумал Психиатр и постарался снизить возбуждение. Во второй серии Стрелок слишком уже успокоился и сделал один промах. Пульс в конце серии был всего лишь 132. «Мало, мало!» — забеспокоился Психиатр, да и сам спортсмен сказал, что был недостаточно возбужден. Поэтому перед третьей серий Психиатр не только специально «завел» его, но и каждый раз, когда видел, что Стрелку трудно держаться в состоянии высокой мобилизованности, что появляются признаки расслабления, шепотом приказывал:

— Не расслабляйся!

И Стрелок, послушно выполняя эти приказы, подгонялся. Так удалось удержать нужную степень возбуждения до конца серии. Пульс на этот раз был 156 ударов в минуту, а результат снова «чистый» — 25 из 25. «То, что нужно», — удовлетворенно подумал Психиатр.

На четвертую серию Стрелок, к большому огорчению Психиатра, начал с промаха. Правда, все остальные 24 мишени он разбил, но этот промах был очень обидным. Особенно для Психиатра, так как Стрелок сказал ему, что промахнулся из-за его неверной подсказки: «Включайтесь сра-

ВМЯТЫВАЯСЬ

МИХАИЛ НЕСТЕРОВ. «Портрет художника С. Куйбины». Масло. 1935 год. Государственная Третьяковская галерея

Эльвира ПОПОВА

Утром 22 июня 1941 года в московскую квартиру знаменитого архитектора пришел его давний давний друг художник, с твердым намерением писать с этого человека, которого знал и любил уже пятьдесят лет, давно задуманный портрет.

Друзья обнялись. Это были Алексей Щусев и Михана Нестеров. Художник был стар — уже под восемьдесят, худ, утомлен болезнью. Вид, однако, имел бодрый, решительный, приподнято-взволнованный, как

у человека, наконец приступающего к давно замедленному и очень для него важному делу.

— Решаю начать, боюсь, что времени мало осталось, а потому размер холста небольшой, но буду писать в натуру, — проговорил он, по обыкновению умябаясь своею особенной, ясной и широкой, нестеровской умябкой.

Стали подбирать аксессуары, искать позу. Долго устанавливали мольберт и холст так, чтобы можно было писать стоя: сидеть во время работы Михана Васильевич не любил. Наконец начал он рисовать узлом на холсте — тщательно, с выгущенной деталью, чтобы потом узлом зафиксировать и уже по верху его писать красками без подмазочек — «alla prima». И тут...

«Не успевая мы начать работу, — вспоминала после смерти друга А. В. Щусев, — как вдруг из столовой выходит моя жена и говорит нам ошеломляющую новость: немцы ворвались на Янину территорию, разбомбили города и орды движутся на нас без предупреждения и объявления войны.

Мы оба были ошеломлены, но работы Михана Васильевича не прерывался...»

Так в тот первый черный день войны замечательный русский художник Михаил Васильевич

Нестеров начал писать последний за свою долгую и славленную творческую жизнь портрет. И в том, как работал над ним мастер тогда, когда грозная беда обрушилась на его Родину, сказалась весь Нестеров. Яркая и яростная его натура.

Утром 22 июня художник не отходил от мольберта более трех часов, хотя врач разрешил ему только двухчасовые рабочие сеансы. Его нервная и порывистая натура остановиться не могла. Он являлся каждое утро около 11 часов и работал три, а то и четыре часа. Домой ему после сеанса идти одному было трудно, он шатался, и дочь Щусева провожала его домой... Началась воздушные бомбардировки, приходилось не спать по ночам, но Михаил Васильевич все-таки проработал весь июль. Июль сорок первого!

«Уехал из Москвы Михана Васильевич не хотел и физически не мог, — рассказывал Щусев, — Он даже не ходил в бомбоубежище и громко восхвалял молодежь, сбрасывавшую с крыш зажигалки. Держался спокойно и стойко, как философ и герой». До самой кончины — 18 октября 1942 года.

Портрет Щусева, жаркий в живописи, свободный в композиции, завершил нестеровский портретную галерею — одну из выразительнейших и

своеобразнейших в нашем искусстве. Горький, Шадр, Мухина, Иван Павлов: скальные, одухотворенные зарисовки — ставя интонацию и тампато — воплощенные кистью темпераментной и властной!

Трудно представить, что именно этот художник сохранил в прошлом стюметин титаник «Пустынная», «Вадиево отроку» Варфоломеев. «Кисть преподобного Сергея, фрески Владимирского собора в Киеве, «Белкины постриги»...

Не удивляйтесь и вопрос, который часто задают экскурсоводом Третьяковской галереи современному зрителю, особенно молодому, когда переводят из залов, где висит дореволюционные работы Нестерова, к советской экспозиции: — Скажите, это тот самый Нестеров?

— Да, тот самый! — Отвечая так, и сам несомненно задумываешься о том, как сложились пути в искусстве, поиски художником самого себя, того самого главного слова, которое он может и признавал сказать... Потому что, быть может, мера этой сложности, живой, драгоценной непростоты особенно впечатлительно явила себя однажды именно в нестеровском пути.

Судьба будто нарочно устроила так, что никакие внешние факты личной биографии художника, в общем, не выходя на этот путь. Разве что покажу? Буд свидетелемство о тех немногих житейских «помехах» самого художника: «Как не хотелось моему родителям, чтобы я стал художником! Примеры, что били у них на глазах, пути их! Два-три таких художника били у нас в 30-е годы, а в 40-е — в 50-е — в 60-е — в 70-е...»

Народ был несомненно, так и говорить... И уж особенно в глазах столь степенного человека, каким был именитый уральский купец-гематерейщик Василий Иванов Нестеров.

Но дело удавалось счастливо уладиться, что некогда из неадаптивного из шалуи. Машенька купца не выйдут, нет в нем начисто способностей к торговому делу. Потом и в частной московской гимназии К. В. Воскресенского, куда мальчик поступил на два года, когда однажды свела гимназистка Нестерова на передвижную выставку, то Миша «был восхищен до истомы, до какого-то забвения всего живущего».

Судьба решившая: передать была Московское училище живописи. Петербургская Академия художеств...

И вот уже в Уфимской мастерской молодого, неизвестного еще публике, начинающего живописца Нестерова появилась «Пустынная», Ветхий, несомненно, соборный старик в темном столе, жетком монашеском одеянии, в алпках. Опершись на скалку, он не то шел, с трудом ступая неверными ногами, не то остановился над пахучей травинкой, мяткая

добрые, тихие улыбки охватива его благостно-умиротворенное лицо. Вперед, воле тропинки, шилая елочка прочертила легким шлоутом зеркальную гладь реки, текущей под косогором, а с другого берега будто шло и все вместе привлекло его: тонкие-зеленые, густокожные, крепкие сестры...

Когда Нестеров привез законченную картину в Москву, то в номер гостиницы, где он поселился, стали приходить приятели-художники взглянуть на работу, увидя «Пустынную» пришла в восторг. Одобрив картину и сдержанный Суриков.

«Пустынная», а через год и «Вадиево отроку Варфоломеев» предстали в Третьяковской — первой галерее России. Тихий и молчаливый Третьяков раздала этих нестеровских полотнах, то светлее, доброе, русской душе свойственное, чего не заметил Стасов, Мисокодов, Григорович. То, что сам автор выразил лишь только положе: «Так называемый «мистицизм» я понимаю, как отрыв от земных дел, от дел уловных, от дел нашей души, ее музыкальных и танцевальных переживания, оздоравливающих и очищающих ее от всякой скверны... Мне, однако, совершенно чужда и антипатична мистика, хотя бы и религиозная, и философская и идеологическая. В искусстве нашем меня всегда привлекала

не внешняя красота, а внутренняя жизнь и красота духа!» Удивительно ли, что у юности, вырвавшись в сторону уральского купца, религиозные наклонения смыслились с идеалами православными? В конце пути Нестеров скажет: «И в портретах моих, написанных в последние годы, влекли меня к себе те люди, путь которых был отягчен горем, чувств, деяний...»

Вот и сейчас в вопрос: «Итак и тот же ли ты Нестеров?» О да и с. С того момента, как живописец впервые явил в руки свою страстную и умную кисть, и до последнего портрета, ставшего подвигом мастера, Мухина Нестеров был одержим одной мыслью, одним желанием: возвестить, проповедать, воплотить в художественном образе духовную красоту человека. Творческое, мятаящее, самоочищающее или борющееся человека. Толстой и Горький, художник Ян Станиславский и артистка М. Заньковская, философ С. Булгаков и сам Нестеров глядят на нас с тогдашних портретов художника.

Едва ваять писать портреты, Нестеров принимался творить: «И не портретист? Что это — каприз, суевере, сомнение! Ни то, ни другое, ни третье и ни четвертое... Самое удивительное, что один из оригинальнейших и мощнейших русских портретистов был, на наш взгляд, прав в своем парадоксальном заявлении. Потому что его портреты и не портреты собственно, они больше. В них размышления теория о жизни, его концепция смысла человеческого бытия. Меняется эта концепция, усложняется, углубляется мироощущение художника — значимее, глубже становится человек, его внутренний мир, его характер, смысл и цель самого рождения портрета из-под крестной и единственной в своем роде кисти. Этот мир, изменяясь, обнажает перед зрителем умом и взором живописца машину мироздания, дивные рычажки Истории, вастующую силу человека.

...Прокатываясь по громадной стране бурные волны Великой Октябрьской революции, гражданской войны, Миса Нестеровых, оказавшись в разгар событий на Кавказе, смог возвратиться наконце в Москву. Милых Васильеву под семидесяти. И не естественно было бы, если бы старей мастер подавал пример под своим творчеством! Но ведь биография Нестерова суждено было стать ярким этапом в процессе жизни того великого человека, который творил творчески, своим рубежом, своей ступат, своя смена возрастов. И — не старости!

Годы шаг вперед, сменяя друг друга. Но кажется, что тогда для Нестерова они вдруг повернулись обратно — а поре творческих взлетов. Большая старик, калябамый сомнениями, с трудом охватывающий свершенные на его глазах исторические перемены, словно бы хотел поверить чуждым: «...ваш друг М. В. все еще «манит красками»: писал под Новым. 1928 год, Нестеров своему биографу Аурману — собирает нарисовать автопортрет. А потом, если доживет до лета, то автопортрет о какой-то «лирической поэме» в Красках.

Бессмысленные мечтания! Но пусть! Ведь такти, как он, ничего не осталось, как мечтает! Мечтает, пока не спазует в Дивалих или на Валяковом...»

Как не свайтается здесь на поверхности лежачий смысл слов с настроением, которым дышат эти строки! Ведь в них — жар мечты пылкого юноши, жаждущего прожить жизнь в творении, в поиске, в беззаветном творчестве. Нестеров не притесает из рук кисть: «Я живу в деревне, у приятеля, художника Бакишева... Мне он отдал свою отлаченную мастерскую. Я постарел, но много работаю, еще порох есть!.. До порох, за последние 20 лет жизни, пришедших на советское время, старый мастер создал около сорока портретов!

В 1935 году Нестеров закончил портрет человека, которого, казалось бы, вообще не в силах хватать живопись. Не один из браслет, выходящее искусство за сиюминутный явучу — нацеленный хирург Сергей Сергеевич Юдина. Но только нестеровский портрет говорит о том, что перед тобой не просто незаурядный и талантливый человек, а феномен, о котором можно складываться за сиюминутный явучу. И так оно и было... По сей день оно, знавшие или даже только видевшие С. С. Юдина,

вспоминают о нем с изумлением и благоговением. Сергей Сергеевич не оперировал — он творил чудеса! Некоторых колоссальных операций до сих пор никто не повторил.

Писался портрет во время рабочих разговоров Сергея Сергеевича в его кабинете, как и знаменитый портрет И. П. Павлова. Нестеров поместил Юдина на холсте в профиль. Говорит, мастер много а поступил так, когда чувствовал, что написать модель в фас будет трудно. Юдина был трудной задачей даже для Нестерова. Но, думается, не для облегчения лица выбрана эта поза... Так рельефные предстала характерный ирридный колоссальный закладка голода. И, может быть, именно в профиле особенно живо допикивается нашим воображением запечатленное художником мимическое, почти неуловимое выражение необыкновенно подвижного колоссального лица. Смелое одно движение — как быстрое — отразился на нем, бывало, живая мысль, творческая энергия, творческая сосредоточенность и внешняя жестовость. Фас, пожалуй, потребовал бы фиксации чего-то одного. А Нестеров сохранил для нас все! Только что сделано с губ слово Юдина, подтянутое, невероятно, почти «идеальным» жестом, нет — взлетом его руки. И только от одного того, что было у него власти, запечатлеть этот жест, Нестеров смог сказать: «Смотрите, перед вами хирург, милое, большое, доброе».

Эта правда жеста была характерной и даже обязательной для Нестерова-портретиста. Жест у него всегда неотделим от человека, воспроизведенного на портрете. Нестерову не нужно было ничего прибавлять к человеку, например, Лепидову, изображаемому величаво-повелевательным жест Минервы на портрете Екатерины II, или Серову, в душе подавляемому над богачом Гиршманом, придав ему нарочито «банковский жест».

Нестеров выбирал в модели толка Человека. С большой буквы. Лишь восхищенные человеком, почтительные, острый, восторженный или сердечный интерес к нему, возможность дружить с ним могли заставить Нестерова, явившись к портрету. Особенно ярко искусство дружить и вдохновлять всегда высказала встреча с человеком, причастным к искусству, умевшим ценить прекрасное творчество. Так, например, Сергей Сергеевич Юдина был обладателем одного из богатейших колоссальных работ талантливого высескопика Нико Пироманяшвили. Благодаря Юдину реставрированы здание

Института Склифосовского молодой архитектор Константин Готурбадзе смог добиться разрешения осмистить от здания, которое в замесила ретные болючиеми хозяйственники, живущие Д. Скотти в куполе здания-шедевра.

Нередко, чтобы познее раскрыть суть цель живого человека, в характерном повороте, Нестеров включал в композицию портрета предмет — рабочий инструмент: тусок с кистями в знаменитом автопортрете 1928 года, карту и карандаш на столе, за которым сидит Юдина, стая у ступового колоссального Шара... В этом портрете такого предмета не понадобилось: руке Юдина сами являлись совершеннейшим, послушнейшим и одухотворенным инструментом феноменального хирурга. Они предстали в этом портрете, как обычно у Нестерова, прекрасными, вдохновенными руками творца, и писал их художник с великой любовью и мастерством. «Хорошо-то хорошо, а руки — крошки», или: «Голова еще тула-скола, а вмести руку-копалта!» — слышалось в слуху, когда живописец Юдина «критиковал» какой-либо портрет. «Безурыч!» или «мриворурич!» — как он выражался, — портрет мастер всегда считал ушибрым.

...Уже незадолго до кончины, приступая к новому портрету, старейший живописец колоссально писал: «Эта ерф-существо человеческого лица нам столь одобрена, необытна, — века — что там века! — тысячелетия проходят, а эта ненастная тема (Человек — Э. Л.) — все голадна, — особенно для тех, кто, как сказать, сизматизма его был ушибрым».

Да, разные бывают биографии... Бывают и нестеровские. То есть такие, в которых даром, распахнувшись, предстает, заслонив собою творческие факты, великое искусство, которое, являясь, противоречивая, сложная, жаждо ищущая жизнь человеческого творчества.

Фантастический детектив

Глава 9. ТРИ ХОЛОСТАЯ

Пожалуй, сегодня уже не многие помнят, что остров Холосток когда-то назывался островом Акула. Смена названия произошла лет двадцать назад при довольно любопытных обстоятельствах, надолгих ренитивных отчетах на внешней стадии жизни известного волею судьбы курорта.

На одном из пленарных заседаний Ассоциации миллионеров-холостоков вице-президент Рауа Бланкмейстера, ныне покойный, зачитала открытое письмо некоего Эдмонта Бойа.

Остров Акула был сам по себе на акулу. Он имел семидесять четыре милиа в длину, шесть миль в ширину, а в высоту сорок метров, елика острова можно характеризовать в трех измерениях. Северная часть, заостренная и изогнутая, словно акулий хвост, выходила в открытое море. Она была голубой и мярчюй, сплошь состоящей из больших и малых холмов, покрытых гладкими валунами, доставшимися в насладство от ледникового периода. Многократные и утомительные попытки найти там полезные ископаемые ни к чему не привели, и эта часть острова, прозванная, правда, отглаченной дорогой, была оставлена в своей первобытной дикости и признана государственной.

Зато южная часть могла бы вызвать зависть лучших курортов мира. Отделенная от Ньюкомби лучшими наводнениями Ла-Манш, она имела спускалась к морю, образуя совершенно ровные многоступенчатые террасы, словно нарочно приспособленные для строительства отелей. Желтый песок, свежий воздух, прекрасные источники пресной воды, великолепное море, много солнца, тенистые пальмовые деревья, немалое количество птиц и, наконец, поражающее своей стройной красотой реальное море, сохранившееся, говорят, лишь в трех местах земного шара, — не райский ли уголок для тех, у кого есть предпринимчивость и кларки и кармане?

Увы, коммерцию финансовым акулам самым начальным образом испортила акула морская. Их кларки так много, что не только купаться, но даже оставаться на берегу воды и стальные припасы было опасно, так как акулы выбрасывали из воды, успев перед смертью проглотить добычу.

Остров был обречен. В его южной части открывались единственные харчевни «Петух», в которой редким гостям давали жидкое пиво, салат из морской капусты и отрубные из акулего мяса.

Вот тут-то на сцене и появляется впервые Эдмонт Бойа — средней руки миллионер, но зато активный член Ассоциации миллионеров-холостоков. Собственно, появляется он не на сцене, а на острове, в харчевне «Петух», где следует одному отбиву, в кармане долго думает, решая в уме сложную задачку.

Затем происходит пленарное заседание, на котором ныне покойный Рауа Бланкмейстер и зачитывает открытое письмо Эдмонта Бойа.

Письмо следующего содержания: «Уважаемые холостяки! Братья по кларкам! Я вынужден открыться перед вами: вот уже три года, как я живю. (Гуа возмущения в зале.) Больше того, я меня еще толковая дочь. (Крик: «Про-ор!» «Долой его!») Но я слишком жестоко наказан ошибкой и раскаянием. Судьба поздно наказывает меня одним тем, что я вынужден покинуть нашу сплавную Ассоциацию. Но прежде чем распрощаться с вами, я хочу хоть немного облегчить свои страдания. (Только не за наш счет!) Уважаемые холостяки! Вот уже много лет мы занимаемся тем,

что изыскиваем возможность разумно тратить нашедшие кларки. Тут вот, дорогие братья по кларкам, я хочу предостеречь вас от тех... («А ты кто такой!»)... кто предложит вам создать на острове Акула курорт для холостяков! («А почему бы и нет?», «Холостик — я и построю!») Я знаю, что скажут вам сограждане наших миллионеров («Пророк наш!») Объедините капитал, скажут они, и поставьте на южной части острова заградительную сетку! («Прекрасная идея!») Это будет стоить всего шестьдесят миллионов кларков! («Сколько он сказал!») Но позвольте мне вас искренний совет: ни в коем случае... («Долой!» «Это уже слишком!» «Он еще советует!»)... не соглашайтесь! Не осваивайте остров Акула! Это — гиблое дело!»

Дальнейшее потонуло в сплошном протестующем реве, и письмо Эдмонта Бойа так и не было дочитано до конца. Тут же вопреки его совету была создана Комиссия для освоения составленный из шестидецати отъявленных холостяков. В ближайшие три дня были выкулены у государства (разумеется, по звичайным ценам) участки на южном берегу острова. Поляны холма выкапывались строительного морского порта, аэродрома, сорока трех отелей, множества ресторанов, пляжей, баров, станций обслуживания автомобилей, купальных бассейнов, подземных гаражей, бассейнов, канатных дорог и паркоматерских дамков. Сталиась сетка, словно намордник, надетая на уточенную южную часть острова, действительно обоглаась в шестьдесят миллионов, если не считать пособий, выплаченных семьям тридцати шести молодых, погибших при ее установке. Морские акулы, потыкавшие мордами в решетку, дались, подывая кверху острые плавники и призывая бесспорную победу за миллионерами, объединившими свои усилия.

Спрашивается, что со всего этого имен Эдмонт Бойа, так неукоже пытавшийся предостеречь своих братьев от рокового шага? Форменный пузатик отел «Ум хорошо, а кларк лучше», расположенный на южной террасе, у самого края южного пляжа — а на участке работоспособности, купленным Бойаю за бесценок у хозяина бывшего «Петуха» еще задолго до того, как Ассоциация получала открытое письмо.

С тех пор остров Акула и стал называться островом Холосток. Фешенебельный курорт мог спорить своей славою с Азубриками, Ниццей, Смерно, Золотыми Песками, Соги и Камифринг-Бей, а также славился отдаленный курорт три миллиона нер-холостока, до двух сотен семейных миллионеров. Президент, многочисленные министры, наследные принцы из зарубежных государств, всевозможные королевы и пока еще не коронованные принцы, также самые могущественные корали гангстеров. Кроме того, все, у кого в кармане имелись кларки, могли приехать сюда, чтобы оставить их в кармане холостяков и прежде всего вышедшего на сцену Эдмонта Бойа.

Наконец — что очень важно для понимания стиля курортной жизни, — холостяки с самого начала провозгласили принцип: «Все, что угодно, но только для одиночек!» Мужским и женским суждениям, уважая жизнь на острове, были категорически запрещены. Короли и королевы, президенты и президентиды, клерки и кларкиши — одним словом, семейные пары всех рангов — оставались дома образуя довольно редкие и разных размеров отелы и церемонно знакомаясь на пляже, как будто впервые друг друга видели.

Разумеется, эта была милая и приятная условность, но играла в нее так, что даже первенства женщины с пыластью и осторожностью задыхал холостяков, а женщины кочетничали со своими

(или чужими) мужиками в столь непосредственно, как будто иногда не стояли под венцом. Подвоясь полагая, что и женщины могут пользоваться свободой уживаться сами собой, что, впрочем, стало модным для нашего времени. Верхом неприличия считалось не только ревновать, но и брать серьезные кларды, а милайший интеллект и порядочность приводила к необходимости покинуть остров. Дело дошло до того, что даже родные братья предпочитали не узнавать друг друга, а сестры, стокнувшись, презрительно отворачивались.

Курортной газете дали название «Прекрасное одиночество».

Таким образом, почти все на этом острове были друг другу родственники, хотя и дошли бы, что чуждым, были бы востину чужими, хотя в миру считались родственниками.

И только одним официальным скандалом пятая года назад нравственные основы миллионеров-холостоков. После смерти в Лондоне вице-президента Ассоциации Рауа Бланкмейстера неожиданным выяснилось, что у него имелись шесть дочерей и два сына, не говоря уже о супруге, которые тут же переехали из-за наследства. Неделю до того подраба отпразднать печаль только и занимался подробным описанием судебного процесса, отпуская при этом ядовитые замечания в адрес Ассоциации. Наследство, надо сказать, было немалым и состояло из нескольких миллионов кларков, а также норвежской дорогой, ведущей от аэродрома к побережью, и шикарного отеля под названием «Холостик из пришина».

В тот же день, приблизительно вечером 27 мая рейсом на Нью, как раз и воспользовались этим отелом.

Вся группа Гарда тщательно обдумывала план действий. Ибо, собственно, оно и следовало? Сведения были чрезвычайно скудные и сумбурные. Он знал, во-первых, что ребенка должен был сопровождать человек, у которого имелась документация на вылет из страны и что этот человек, но был посланным званом в преступную фирму. Во-вторых, судя по фразе Антара, сказанной Честеру: «Для морды, когда я буду на пляже, у меня есть собственное место в отеле», он видел, что Антара должен был вылететь на пляж. Антара был провозглашен, что опасность и сложность задания, короче выполняла Антара, не позволяло ему встать на острове беззаботную жизнь курортника. Короче всего, Антара должен был вылететь на острове, какой? Не там ли должна прозойти встреча с очередным званом? Если там, то, спрашивается, где в это время могла бы находиться Рони Фивер? Хотя Антара и не отстранился от Антара, но, разумеется, все же повлажные мужским с ревнем являлось отличным поводом для сенсационной заметки в «Прекрасном одиночестве» со всеми, как говорится, вытекающими последствиями. Не учитывать этого преступления не могли. Значит, Боб Антара должен был вылететь на связь один, оставив где-то спящую Рони? Нет. Очевидно, в отеле. Где же еще? А то, что именно спящую, косвенно подтверждалось найденными у Антара шприцем и ампулами с морфином.

Наконец, Гарду надо было решить вопрос о том, какой из сорока трех пляжей голдасы преступника для связи и в каком из сорока трех отелей мог оставаться с Рони Антара. Вспомогательное дело, тем не менее, о том, который находится ближе всего к аэродрому, с одной стороны, и к пляжу — с другой. Чем короче эти пути, тем легче преступникам. Если так, то лучше «Холостик из пришина» нежели «Холостик из пришина». Антара был в закрытой кабинке «урауки», как называли курортники монорельсовую дорогу, ныне принадлежавшую уже покойному Рауа Бланкмейстеру, и при этом должен был отел «Холостик из пришина» — уже у него всего десять метров до пляжа. Конечно, «Ум хорошо, а кларк лучше» — более комфортабельный отел, и путь от него к пляжу, хотя и длиннее, проходит через рощу молодых пальм, но зато он находится ближе к морфу и эстетическим наслаждениям.

В-третьих — и это, пожалуй, самое сложное, — Гарду необходимо узнать для кларка где и в каком месте нужны Бобу Антара два полотна с метками. То ли на пляже был какой-то крест, который он был обязан накрыть полотнами, то ли сам обязан был ими крест-выкрасить, то ли, впрочем, он должен был в виде паря ползать на полотнах какие-то кресты... Варианты рыволова так много, что Гарда перестал думать над ними голову, тем более что все паром тридцать три стромало по принципу наибольшей алогичности.

Разумеется, Гарда понимал, что все его предположения в известном смысле не стоят и ломанья.

Это были они, но, как часто бывает в таких случаях, то, что ждешь с особенным нетерпением и настроенностью, является незаметно и буднично.

Гард уже одевался, когда Таратура повернул себя в его сторону, а Честер обратил внимание на торжественный приход человека с молльбертом. Что произошло в отрезок времени между их обращением к комиссару и его одеванием, ни Фред, ни инспектор не заметили. Аккуратно свернула полотенца и уложила их в пляжную сумку, Гард медленно пошел за человеком с молльбертом, даже не посмотрев в сторону своих помощников. Следом за Гардом шел «пришелец в никуда».

Пока Честер, танцуя на одной ноге, натягивал ботинки, Таратура снял себя с вертела и исчез, будто его никогда здесь и не было. Бейсболка Фреда набросил уже на ходу.

Набережная пустовала. Изредка проносились машины, чуть-чуть притормаживая у поворота, ведущего на трассу в глубь острова. Со стовника, находящегося метрах в пятидесяти от палатки, медленно сдвинулась с места и пошла в сторону Фреда белая «Пантера». Когда она, уже набрав скорость, проехала мимо, Честер заметил на первом сиденье, рядом с шофером, Гарда. За рулем был «художник», а за спиной комиссара — тот, который пришел из романа Вайс-Вайса.

«Что делать? — алгородно подумал Честер, озираясь по сторонам. — Что делать?! Почему мы так долго договаривались? Какой же я болван, что пропустил самое главное! Где Таратура? Он-то куда пропал!»

Но в этот момент из подземного гаража этого буквально вырвалась на мостовую машина. Она была американский «Бюик», и за рулем сидел голый инспектор. Фред еле успел прижаться к стене дома: «Бюик», стрелянув непрогретым мотором, ушел за поворот.

Глава 10. ДОРОГА В ЛОГОВО

Когда Гард заметил возвращение на пляж человека с молльбертом, он, внутренне сжавшись, замер в ожидании, и желая и не желая наступления развязки. Да, судя по тому, как человек с молльбертом крутами приближался к Гарду, это был он, да еще не один, а в сопровождении высокого и худого типа. Аwaiting с «пришельцем в никуда» почему-то не возникла у Гарда, и он просто окрестил второго Худым в отличие от Молльберга, как он мысленно называл первого. Вероятно, Молльберт сначала произвел разведку, зато теперь они будут действовать. Или что-то показалось ему подозрительным и он притаскивал начальника? Чего гадать? Ждать осталось совсем немного. «Главное то, — подумал Гард, — что они явились наконец по моему душу. Отглядываться на Честера с Таратурой уже не имело смысла: в любом случае немалое было выдавать их присутствия и хоть какого-то отношения к комиссару.

Двое остановились в нескольких шагах от Гарда и с чем-то тихо переговаривали между собой. Сейчас, вероятно, они скажут паролем, Гард ничего разумительного не ответит, возникнет недоразумение, и чем оно может кончиться, неизвестно. Так решил про себя Гард, вовсе не готовый к разговору, который произойдет в действительности.

— Это ваши? — просто спросил Худой, вплотную подойдя к Гарду и показывая на полотенца.

— Да, — коротко ответил Гард, продолжая сидеть в палаточном шезлонге.

— Вы один?

— Один.

— Одевайтесь.

И все! Гард не ждал такой лаконичности.

Голос у Худого был противно-скрипящий, как будто прежде чем выйти наружу, он пролезал через слишком узкое отверстие в горе, задев кости. Комиссар не спеша оделся, свернула полотенца и положила их в сумку. Молльберт и Худой спокойно ждали, не проявляя ни нетерпения, ни удовольствия от медлительности Гарда.

— Вы готовы? — спросил Худой.

Гард покачал плечами.

— Тогда идите за ним.

И комиссар пошел следом за Молльбертом. Никакой застенчивости, ни даже тени прилеса не было в репликах Худого. Он говорил тихо и просто, спокойно и вежливо, но по-военному коротко. А голос его действительно был противным.

Когда они выжили из набережной и подошли к стовнику автомашин, Худой тронул Гарда за плечо.

— Груза, конечно, с вами нет?

— Нет, — просто ответил Гард.

— Ну и отлично. Садитесь.

Потом медленно растерявшись лишь Фреда Честера, — слава богу, он не выжину никакой глупости! — машина свернула на трассу, ведущую в глубь острова.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

МАРТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. МЕСТА ПАМЯТИ
НАРОДНОЙ
2. «ГАЛЕРЕЯ
МАЯКОВСКОГО»
3. СОВРЕМЕННАЯ
ВЕСТАЛКА
4. СТРЕКОУЩЕЕ
НАШЕВТИЕ
5. КАУЧУК ПРОТИВ
ПУСТЫНИ
6. ЧТО ТАКОЕ
«ФРАНГИЙСКИЙ
ЯЗЫК»!
7. ТРАНСПОРТ
ФАНТОМАСА
8. ОГНЕДЫШАЩИЙ
БОББИ
9. СЛЕДЫ ЭКСПЕДИЦИИ
МАГЕЛЛАНА
10. ХРАБРЫЕ ПОРТНЯЖКИ
11. ИНФИЛЬТРАЦИЯ
НАРКОТИКОВ
12. УЧИТЕЛЮ ДЕВЯТЬ ЛЕТ

Материалы переводятся с
соответствующими или в иллюстрации.

1.
Это движение зародилось в Польше шесть лет назад. Его участниками являются юрков Союза борьбы за свободу и демократию, Совет по охране памятников борьбы и мужничества, министерства просвещения и культуры, ветераны второй мировой войны и крестьяне. Но все же инициатором и организатором движения «Места памяти народной» по праву считается Союз польских харцеров.

Именно школьные краеведческие музеи и исторические выставочные, созданные пионерами-харцерами, явились основой, на которой возникли нынешние «Места памяти народной» — уже не только в школах, но и в домах культуры, сельских клубах, на предприятиях, в вузах, военных частях.

Большее всего коллекций такого рода связано, разумеется, с годами борьбы против фашизма. Например, в «Местах памяти народной», расположенных на территории Поморского воеводства в конце войны 1-й армии Войска Польского бою с Советской Армией вела упорные бои с гитлеровцами, туристы могут увидеть. Больше всего экспозиций, в которых представлены боевые приказы, письма солдат семьям, армейские газеты, схемы военных действий, уникальные фотографии, мундир, оружие, первые акты о передаче земли крестьянам.

Возникли в стране и такие общенациональные музеи, в которых собраны экспонаты много рода. И примеру, в Кожухово (Зеленогорское воеводство) существует музей, где можно увидеть памятники музыкальной культуры прошлого народа от самых древних времен; в Крынках (Белостокское воеводство) туристы знакомятся с экспонатами, рассказывающими об участии местного населения в революции 1905 года, о рабочем движении в межвоенное двадцатилетие, о борьбе за укрепление национальной власти.

В прошлом году «Места памяти народной» посетил около семи миллионов человек, причем три четверти экскурсантов составила молодежь.

«ПОЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

2.
В сентябре 1968 года западноберлинское Общественное германско-советской дружбы открыло на знаменитой улице Курфюрстендамм клуб, названный «Галерей Маяковского». В тот первый вечер в клубе звучала стихия прославленного советского поэта, а затем слушателю была предложена литература южной колонии, посвященная междичи антифашистам, которые в составе интернациональных бригад воевали в Испании.

Значительную часть посетителей клуба составляют студенты и молодые рабочие. В «Галерею Маяковского» не только зрительный зал на шести мест (самой последней постановкой здесь была пьеса Михаила Шварца «Вольшевики», сыгранная артистами Театра имени Максима Горького из столицы ГДР), но и библиотека, книжный магазин. Открыты курсы рисового языка.

Согласно, это симпатично: «шесть молодых жителей Западного Берлина, который в годы «холодной войны» считался «фронтонным городом», слушают

писю советского драматурга о Колыхайских, шесть молодых жителей Западного Берлина в 1972 году присутствуют на заседании Совета Народных Комиссаров, проходившем в 1918 году в Московском Кремле!»

«ВЕЛЬТОНЕ», ГДР

3.

В Ароне (Италия) состоялся чемпионат мира по продолжительности курения трубки. Победителем оказался итальянец Джузеппе Манчини, куривший три грамма табака в течение 2 часов 43 минут и 13 секунд.

Впрочем, этот чемпионат вряд ли будет бы знаменем, если бы не выступление в нем женщины, которая составляла десятую часть всех участников.

Среди дам первой оказалась Франческа Феррети, дымившая трубку в течение 1 часа 22 минут и 32 секунд. Во время состязаний эта синюра выглядела настоящей древнеримской весталкой, которой поручено поддерживать священный огонь: она даже не обращала внимания на фотокорреспондентов, которые совали ей свои аппараты прямо под нос и иногда наступали на ноги.

Но вот состязания закончились, и Франка Феррети объяснила журналистам, что она работает на фабрике, изготовляющей курительные трубки, что в жизни она не курит даже сигарет и что вообще она приняла участие в этом чемпионате лишь для утверждения женского равноправия.

«КАНАР АНШЕНЕ», ФРАНЦИЯ

4.

Когда на улицах бразильского города Альтино появились первые свечечные развешивания, первые жители и в голову не пришла мысль о приближающейся катастрофе. Однако, что свечечные привлекли новые лампы дневного света на главной улице и что через день-два появились пожары.

Однако свечечки, а два раза более крупными, чем их европейские собратья, продолжали валить валом. Кварты распространялись не зная границ, и улицы становились сплошными свечечными лесами на свет в открытые окна домов.

Вскоре богатыми на 4,5 тысячи жителей Альтино напуганносправились перед нашествием и пожаров: город. Величинам ничего не оставалось делать, как немедленно выехать из домов стуброй свечечки и свечечки их в садах. Два автомобиля, распространявшие средства против насекомых, непрерывно ездили по городу. Улицы огнило. Дети, а на свечечки эта отравляла не она, а свечечки, распрыскивая. Властям пришлось закрыть школы: дети не могли сопротивляться на занятиях.

Моральщики-церковники, разумеется, тут же устроили свои проповеди в небо и заявили, что бог, разгневавшись на жителей Альтино, покарал их кожными болезнями, популяризации и вообще отсутствием набожности у грешной горы. О том, почему покарал, не сказал. После инцидента наем. Рио-де-Жанейро, Нью-Йорк и другие американские, конечно же, желательней святому Себастьяну нашествия смерчов ослабло, а оставшихся свечечков разогнал ливень. Пожары возобновились («Вера подействовала»).

Однако бразильские энтомологи дали этому происшествию вполне точное объяснение. Оказалось, что в Альтино свечечки привлекли мух. Бразилия издавна претерпевала особая разновидность тропических мух, которая из-за отсутствия света может слопать до трехсот насекомых. В последние годы в Альтино так же началось настоящее охота, но и их люди стали проявлять интерес к мухам в Соединенных Штатах, где из нее изготовляют респираторные портянки и ремуши для космонавтов. Результат ясен.

Ученые считают, что, пока нет решения вопроса, жители несчастного городка не из Альтино могут подражать стреноженному насекомому.

«СВИТЕ», ЮГОСЛАВИЯ

5.

Английские ученые провели любопытный эксперимент в одной из английских пустынь. Шестнадцатый сектор «безжизненной земли» было покрыто слоем синтетического каучука, после чего в нем были проделаны отверстия, в которые посадили 80 тысяч эвкалиптов.

Опыт оказался успешным: эвкалиптная покрывка сократила и почве влаги, защищает от жары и ветров и позволяет им устоять против ветров.

Этот изобретение вызвало большой интерес в научном мире. С особым энтузиазмом оно было встречено в Алжире, Тунисе, Марокко, Мали, Ливии, Чад и других странах, которые в прошлом году обратились в ООН с просьбой помочь им в борьбе против наступающей пустыни.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

6.

Сотрудники министерства иностранных дел Франции уже давно озабочены вопросом: как вернуть французскому языку его былой престиж и возвыситься на границах.

Язык, который считался обязательным для изучения во всех странах Европы, язык международной дипломатии все больше и больше теряет свои позиции перед английским. И это несмотря на то, что ежегодно для популяризации французского языка за рубежом выделяется 125 миллионов долларов, что общество «Альянс французского языка» обучает около двести тысяч иностранцев, что число французских лицезв за границей увеличивается с той скоростью, что, наконец, каждый год с целью того же популяризации языка организуются конференции лингвистов тех стран, где господствует по-французски.

Но кризис не только за границей. Кризис заметен и в самом языке. Он все больше засоряется английскими выражениями. Такие слова, как «гребенчатый», «шпатель», «паринг», «лингвист», уже обычные в разговорном языке, которые многие в насмешку именуют «франглизмом». Этот термин родился на страницах парижской газеты «Мондо», которая стала три-

буной защитники чистоты французского языка.

Впрочем, желаемого эффекта эта борьба пока не дала. Французы все чаще прибегают к разговору и при письме к помощи английского языка. Не получится ли так, что жители канадской провинции Квебек станут говорить по-английски чаще, чем коренные парижане?

«ПУРКУА ПА», БЕЛЬГИЯ

7.

Помните, как в фильмах о Фантомасе эта личность с голым черепом скрывается от преследователей на автомобиле, который мгновенно превращается в самолет?

С недавнего времени этот вид транспорта не фантазия, а реальность. Его владельцу Морту Тейлору, жителю американского города Монтгомери (штат Вашингтон), требуется всего шесть минут на преобразование своего автомобиля в летательный аппарат.

На создание «зарывтомашини» Тейлору понадобилось, правда, двенадцать лет. Официальная комиссия, состоявшая из опытных авиационных специалистов, подвергла воздушный автомобиль самым причудливым испытаниям, пришла к единодушному решению, что он вполне пригоден к эксплуатации.

С двумя пассажирами на борту и 50-килограммовым багажом машина пролетает без посадки до 800 километров; для вылета ей необходимы стартовая полоса длиной 300 метров, за пять минут она поднимается на высоту в тысячу метров; максимальная скорость — 100 километров в час.

Впрочем, несмотря на хвалебные отзывы до высшего уровня крылатого автомобиля еще очень далеко. Препятствием отступает его высокая ориентировочная цена (12 тысяч долларов). Неожидано, как сомнительно правила уличного и воздушного движения. Фантомасу было летно.

«ЖИВОТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

отчаянно настаивать на том, что пил сегодня исключительно по причине своей профессии.

Дело в том, что он зарабатывает на жизнь — глотанием огня. Каждый вечер он выступает в маленьком театре «Дитанго», где, помимо прочего, заматывает своим огненным дыханием деревянную трость. Для этого он перед представлением прополаскивает рот спиртом, и выходящийся паров достаточно для зажигания наркотой трости.

Выслушав эти объяснения и заставив министра Робушона повторить в частной своей фоне, полиция отпустила его. Фантер отделался штрафом в 50 флорос стерионгов и обещанием никогда не садиться за руль после работы.

«ПАНЧ», АНГИЛИЯ

9.

На острове Мактан (в 580 километрах юго-восточнее Манилы, то есть в самом центре Филиппинского архипелага) сделано интересное археологическое открытие: найден человеческий череп, возраст которого — более 450 лет; филиппинский антрополог Марселино Маседа считает, что это череп знаменитого португальского мореплавателя Ф. Магеллана, который, как известно, открыл Филиппины в марте 1521 года, высадился на Мактане и погиб в сражении с туземцами.

Накода была передана для изучения в университет Себу, а экспедиция профессора Маседа продолжила раскопки. Там же были найдены золотые предметы, фарфоровые тарелки, которые могли принадлежать лишь состоятельному лицу, а также оружие португальского производства примерно пятисотлетней давности.

«ЗПОКА», ИТАЛИЯ

сваших в нее не оставил преждевременно курса, хотя заниматься надо дважды в неделю в течение полутора месяцев.

Впрочем, подобные занятия, не стою уж распространенные среди мужчин, не ограничиваются лишь областью шитья и кройки. В Нью-Йорке существует курсы вязания носков Манда Никс — и тоже только для мужчин. Объявление о курсах, данное в газете, имело, по словам миссис Никс, колоссальный успех.

Но, пожалуй, особой популярностью среди американцев пользуются вышивание. В прошлом году нью-йоркский магазин принадлежностей для вышивания продал только мужским товарам на сумму 15 тысяч долларов. Стоя же обширную мужскую кутюрье имеет и подобный магазин в Лос-Анджелесе. Самые известные кружком любителей вышивания в этом городе руководит бывшая футбольная звезда Р. Грар.

«ЛАФ», США

статистике идет Ванкувер, куда на лето толпами устремляются хиппи с западного побережья Штатов. Счастливым наркоманом является рост преступности (в прошлом году виндзорская полиция отменила девять тысяч серьезных нарушений закона). Городские власти установили также, что шефом главной банды, поставившей наркотики в Виндзор, является бывший служащий детройтской полиции Генри Марретт, который, умев регулируя переборску героина через границу, взвинтил цены на эту отраву до 80 канадских долларов за порцию.

В провинции Онтарио, где находится Виндзор и где наиболее сильно инфильтрация наркотиков, ежегодно выделяется восемь миллионов долларов на борьбу с этой контрабандой и на лечение наркоманов. Однако чешский дилеганс Генри Марретт и компания продолжают работать.

«ТНП», ШВЕЦАРИЯ

11.

12.

Мэр небольшого селения Кларк в Пиренеех совсем было отчаялся, если закроется и школа, то Кларк окончательно утратит свою самостоятельность да и вообще шахсы на будущее. Деля и впрямь шли неважно. Несмотря на то, что в Кларке больше детей, чем в соседних селениях, несмотря на то, что по призыву мэра школьное здание было отремонтировано, парижские власти не-за нежелания преподавателей решили перевести учительницу из Кларка в другое место.

И вот тогда в Кларке был назначен учитель самый способный ученик — девятилетний Мишель Паиле! Он весьма серьезно отнесся к своим новым обязанностям. На уроках у Мишеля ели-коллежкам дисциплина, а сами школьницы в один голос уверяют, что теперь убога для них — одно удовольствие.

«ЭНСИРЕС», ФРАНЦИЯ

8.

За мелкое нарушение правил 38-летней лондонца Бобби Робертсон остановила дорожная полиция. Полицейский наклонился и окинул взглядом Робертсон, и в этот момент она сказала: «Вы абсолютно пьяны, сэри!» В участке, где незадолго до этого подвергся проверке, известный прибор показан, как рап.

Робертсон грозно выкрикнул: «Водительских прав. Но он продолжал

10.

Эти трое портовых учатся в школе кройки и шитья, организованной специально для мужчин одной американской фирмой. Ричард Хелт, Говард Кефнер и Торрент Соулэй сами шили для своих жесн эти платья. Руководители школы утверждают, что ни один из заши-

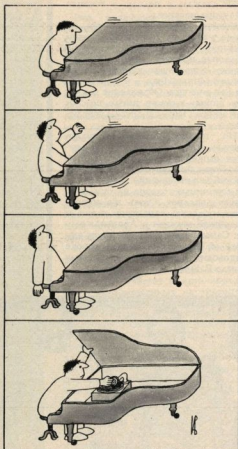

Рисунок Игоря ВОРОВЬЕВА

Рисунок Сергея ТЮНИНА

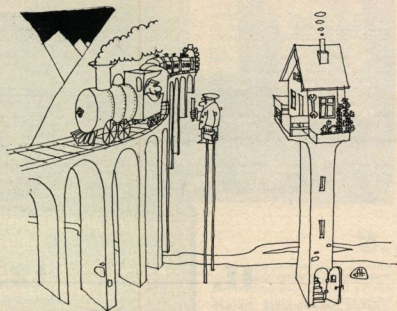
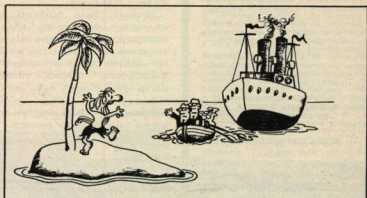
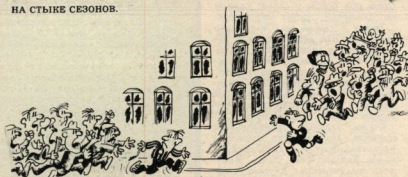

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА

НА СТЫКЕ СЕЗОНОВ.

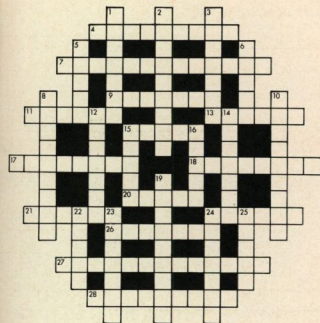

НАШ АДРЕС: 101457, Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 4/II 1972 г. А 00876. Подписано к печати 29/II 1972 г. Формат бум. 70 x 108/4.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000 экз. № 478. Заказ № 2315.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125065, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил А. ЛЕЙКО, г. Новомосковск

По горизонтали:

4. Ценный кормовой злак, произрастающий на востоке Азии. 7. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Лес». 9. Голландский инструмент. 11. Полуостров на востоке Африки. 13. Советская футбольная команда. 15. Зависает на снегу. 17. Прибор для определения высоты тона струны. 18. Шугайная музыкальная пьеса. 20. Юный цветок. 21. Разновидность атома химического элемента. 24. Народный поэт Башкирии. 26. Врач. 27. Взаимное усиление или ослабление радиоволн. 28. Вид спортивных гонок по пересеченной местности.

По вертикали:

1. Композитор, автор оперы «Чин-Чин-Сан». 2. Русский архитектор XVIII века. 3. Вид графина. 5. Черный дятел. 6. Гордый антилопа. 8. Направление в литературе и искусстве юнца XVIII века. 9. Стальная камера для геофизических исследований. 12. Порт в Италии. 14. Кружка павлином, беседа. 15. Трагедия Еврипида. 16. Помещение для пассажиров на корабле. 19. Опера П. И. Чайковского. 22. Гастролиная поездка артиста. 23. Художник-передвижник. 24. Город в Польше. 25. Писатель, Герой Социалистического Труда.

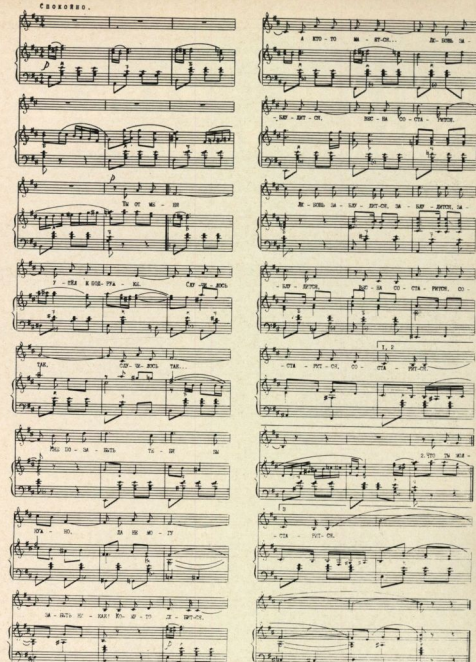
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

3. Журнал. 6. Татеев. 10. Мунишки. 11. Апплат. 13. Торос. 15. Фагот. 18. Углич. 19. Гауришанир. 20. Гарольд. 22. Навно. 24. Лемминг. 26. Лавишев. 27. Меркурий. 31. «Сонино». 33. Аркан. 34. Налайха. 36. Виноградцы. 39. «Домой!». 40. Радо. 42. Рысак. 44. Соломаха. 45. Телефон. 46. Фанала. 47. Славка.

По вертикали:

1. «Думка». 2. Санитар. 3. Дарасун. 4. Чечка. 7. Лукиншо. 8. Горизонт. 9. «Разгром». 12. Чардаш. 14. «Симона». 16. Фаддеуский. 17. Давленатово. 21. Лемон. 22. Пьеса. 23. Обман. 25. Мачок. 26. Векзол. 29. Скорость. 30. Экзолот. 32. «Обломов». 35. Анкасок. 37. Ограница. 38. Дагистан. 41. Люция. 43. Лерна.

ЛЮБОВЬ ЗАБУДИТСЯ

Слова и музыка Александра АВЕРКИНА

Ты от меня ушел к подружке,
Случилось так, случилось так...
Мне позвать тебя бы нужно,
Да не могу забыть никак!

Припев:

Кому-то любитесь...
А кто-то мветесь...
Любовь забудется,
Весна состарится,
Любовь забудется,
Забудится, забудится,

Весна состарится,
Состарится, состарится!
Что ты молчишь — сказал бы слово,
Но ты молчишь, но ты молчишь.
Идешь тропинкою завсогодой,
Да не в мое окно стучишь!

Припев:

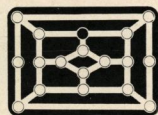
Зачем туман укрыл деревья,
Туман седой, туман седой!
Вернулся ты, но нет доверья,
Прошла любовь у нас с тобой!

Припев:

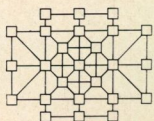
1.

Начиная с черного кружка, соедини одну непрерывной линией все белые кружки и вершины черного кружка.

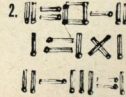
2.

В квадратиках фигуры размести цифры от 1 до 5 так, чтобы на линиях с пятью квадратами одинаковые цифры не повторялись.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 5

1. 30 шестигольников.

СТЕКЛО И КАФЕЛЬ

Сейчас уже трудно установить, кто из девчат-художниц римского комбината «Мансла» первой обратил внимание на застывшие капли прелитого цветного стекла на кафельных плитках у тигля. Да это, наверное, и неважно. Важно другое. Разные по цвету, обьему и фактуре ступеней стекла причудливо переплелись на кафеле, порывая воображение художинна.

— А что, если!

«Если» получилось! Сначала Гундета Страута, а вслед за ней Лайна Бичовски, Даче Шенниа, Малиа Ивана и другие художницы начали пробовать свои силы в новом деле — стеновой миниатюры на кафеле. Сам размер пластинок диктовал сюжеты, лавоничные сюжеты и композиции, но высокая техника девчат позволяла даже в самых простых работах блестяться всякой цветовой палитрой. Довольно скоро новое увлечение вышло из пределов эксперимента. Сегодня работы художниц украсают водный бассейн в новом санатории «Юнноморни», широко используются в оформлении современных интерьеров детских садов, школ, магазинов... Миниатюры — товар «повышенного спроса» в художественных салонах Риги и города-курорта Юрмала.

Борис ЗАДВИЛЬ, фото автора

